

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1881.

СОДЕРЖАНІИ.

Правительственные распоряженія.

Нилъ Полевъ В. Жмакина.

О говорахъ казанскаго татарскаго нарѣчія
и объ отношеніи его къ ближайшимъ
къ нему нарѣчіямъ и языкамъ. . . . А. Безсонова.

Лузіанъ Мушицкій. П. Булаковскаго.

Записки о „Руссахъ“ Ибнъ-Фадлана и другихъ
арабскихъ писателяхъ (съ рисункомъ). В. Стасова.

Совѣты и разказы византійскаго боярина
XI вѣка (Окончаніе). В. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

Итоги славянской и русской филологіи. А. Кочувинскаго.

Матеріалы для русской библиографіи. Хронологическое
обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ
книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ граж-
данскимъ шрифтомъ. 1725 — 1800. Составилъ
Н. В. Гумбертъ. Два выпуска Д. Языкова.

Николаевская главная астрономическая об-
серваторія въ 1880 году.

Виленская публичная бібліотека въ 1880
году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

О ГОВОРАХЪ КАЗАНСКАГО ТАТАРСКАГО НАРЪЧІЯ И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО КЪ БЛИЖАЙШИМЪ КЪ НЕМУ НАРЪЧІЯМЪ И ЯЗЫКАМЪ.

Въ русской литературѣ уже неоднократно былъ возбуждаемъ вопросъ о примѣненіи русскаго алфавита къ языкамъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи. Въ недавнее время онъ опять обсуждался въ одномъ изъ компетентныхъ учрежденій, въ кругъ интересовъ котораго входитъ, между прочимъ, и образованіе русскихъ инородцевъ. Намъ неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привели эти совѣщанія, но признаемся, тѣ мнѣнія относительно этого вопроса, съ которыми намъ удавалось встрѣчаться въ печати и въ личной бесѣдѣ съ людьми, интересующимися образованіемъ инородцевъ, насъ не совсѣмъ удовлетворяли: вотъ почему мы рѣшились еще разъ затронуть этотъ вопросъ.

Практикой возможность примѣненія русскаго алфавита къ языкамъ инородцевъ восточной Россіи уже давно доказана: книги на языкахъ какъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ своего алфавита, отличнаго отъ русскаго, напримѣръ, Вотяковъ, Черемисъ, Чувашъ, — и тѣхъ, которые имѣютъ свой алфавитъ, напримѣръ, Монголовъ, Татаръ, стали печататься русскимъ алфавитомъ довольно давно ¹⁾.

¹⁾ Намъ случилось видѣть экземпляры татарскаго перевода Чина исповѣди, отпечатаннаго славянскимъ шрифтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ библиотекѣ Казанской духовной академіи есть экземпляръ изданія славянскимъ шрифтомъ татарскаго перевода Православнаго катехизиса, сдѣланнаго еще въ прошломъ столѣтіи. Транскрипція татарскихъ словъ сдѣлана, на сколько

Для ясности дѣла, указанное сейчасъ распредѣленіе инородцевъ, по отношенію къ грамотности на двѣ категоріи слѣдуетъ постоянно, по нашему мнѣнію, имѣть въ виду, когда поднимается вопросъ не только о примѣненіи русскаго алфавита къ языкамъ инородцевъ восточной Россіи, но и вообще объ образованіи этихъ инородцевъ.

Касательно инородцевъ перваго разряда вопросъ рѣшается несравненно проще, чѣмъ по отношенію къ другимъ. Попытка выдумать алфавитъ для племенъ, поровнь не имѣющихъ большой численности, стоящихъ на очень низкой ступени умственнаго развитія, обреченныхъ по всѣмъ условіямъ своего существованія на естественное слитіе съ народомъ многочисленнымъ и цивилизованнымъ, должна окончиться неудачей, какъ это хорошо доказываетъ судьба зрянскаго алфавита, изобрѣтеннаго св. Стефаномъ Пермскимъ. Здѣсь можетъ имѣть мѣсто только вопросъ о большей или меньшей степени пригодности русскаго алфавита для извѣстнаго языка. Но и въ этомъ отношеніи дѣло проще: къ этой первой категоріи инородцевъ относятся, главнымъ образомъ, Финскіе народы, а для финскихъ языковъ русскій алфавитъ пригоднѣе, чѣмъ для турецкихъ, потому что они ближе въ фонетическомъ отношеніи къ русскому языку, чѣмъ послѣдніе ¹⁾.

позволялъ славянскій алфавитъ, буквенная, а не фонетическая: отступленія выговора многихъ татарскихъ словъ отъ обычнаго начертанія ихъ арабскимъ алфавитомъ нисколько не приняты въ соображеніе; замѣчательно, что сохранено даже обычное направленіе арабскаго письма и печати — отъ правой руки къ лѣвой. Изданія на вотяцкомъ языкѣ (какъ по глазовскому, такъ и по сарьпульскому нарѣчіямъ), на языкахъ черемисскомъ и чувашскомъ, относящіяся ко второй четверти текущаго столѣтія, сдѣланы были, кажется, въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что, напримѣръ, изданіе Краткой Священной Исторіи митрополита Филарета на вотяцкомъ языкѣ (два столбца—русскій текстъ и вотяцкій переводъ) употреблялось въ 50-хъ годахъ даже въ тѣхъ школахъ Глазовскаго уѣзда, которыя находились въ приходахъ, не имѣвшихъ въ себѣ ни одного Вотака. Многие изъ насъ, учениковъ одной изъ такихъ школъ, находившейся въ то время въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, для курьёза заучивали, на ряду съ русскимъ текстомъ, цѣлыя параграфы и вотяцкаго перевода. Не говоримъ уже о многочисленныхъ изданіяхъ азбуки, книги Священнаго Писанія, богослужебныхъ и нравоучительныхъ книгъ на татарскомъ, черемисскомъ, вотяцкомъ, остяцкомъ и монголо-бурятскомъ языкахъ русскимъ шрифтомъ, — изданіяхъ, исполняемыхъ въ послѣднее время при посредствѣ переводческой коммиссіи, состоящей при братствѣ св. Гурія въ Казани.

¹⁾ По нашему мнѣнію, между прочимъ, это обстоятельство служило причиною болѣе быстраго обрусенія Финновъ, чѣмъ Тюрковъ. Достаточно взглянуть, напри-

По отношенію къ иноподцамъ, обладающимъ уже своимъ, отличнымъ отъ русскаго, алфавитомъ — заимствованъ ли онъ отъ чужаго языка, или же изобрѣтенъ для нихъ специально, — дѣло находится въ болѣе сложномъ положеніи.

Прежде всего здѣсь имѣеть громадное значеніе сила привычки. Малоразвитый человѣкъ такъ тѣсно связываетъ въ своемъ представленіи произносимое слово съ его начертаніемъ, что ему кажется невозможнымъ какое-либо другое изображеніе того же слова. Не мало значить здѣсь также и буквოსлагательный способъ обученія грамотѣ, почти исключительно употребляемый въ настоящее время у тѣхъ иноподцевъ, которые имѣють свою, отличную отъ русской, грамоту¹⁾: этотъ способъ, не указывая ясно истиннаго значенія каждой буквы въ отдѣльности, заставляетъ обращать вниманіе болѣе на слогъ и на цѣлое, чѣмъ на отдѣльные звуки и буквы. Потому, въ грамотѣ Татаръ-мухаммеданъ не мало особенностей, препятствующихъ возникновенію у нихъ грамотѣвъ взгляда на грамоту какъ на условное изображеніе звуковъ, какъ на такое изображеніе, которое можетъ быть замѣнено другимъ, и поддерживающихъ взглядъ на грамоту какъ на нѣчто необычайно таинственное, а именно: непримѣнимость арабскаго алфавита къ фонетикѣ татарскаго языка (вотъ, думаетъ Татаринъ-грамотѣй, — слово нужно написать такъ, а произнести совсѣмъ иначе: вѣрно ужъ такъ Богъ опредѣлилъ); манера изображенія гласныхъ звуковъ въ арабскомъ языкѣ посредствомъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, а въ татарскомъ языкѣ посредствомъ буквъ, имѣющихъ въ арабской письменности значеніе согласныхъ²⁾;

и др., на упомянутые уже старыя переводы съ русскаго на черемисскій и востачій языкъ, и на новѣйшіе переводы, болѣе точно передающіе русскимъ алфавитомъ, звуки этихъ языковъ, и сравнить ихъ съ новѣйшими изданіями на татарскомъ, алтайскомъ и чувашскомъ языкахъ, чтобы почувствовать это.

¹⁾ Буквослагательный способъ, употребительный въ настоящее время у Татаръ, какъ и у другихъ мухаммеданскихъ народовъ, имѣеть свои особенности, утравляющія тѣ трудности, которыя существуютъ въ способѣ обученія грамотѣ у европейскихъ народовъ. Въ послѣднее время у Татаръ-мухаммеданъ являютя попытки примѣнить звуковой способъ и при обученія арабско-татарской грамотѣ.

²⁾ Этотъ фактъ, не понимаемый почти никѣмъ изъ теперешнихъ Татаръ-грамотѣвъ, внушаетъ имъ самыя странныя понятія о томъ, что такое звукъ и что такое буква, и о взаимномъ отношеніи звуковъ и буквъ. Мы удалось только послѣ продолжительной бесѣды убѣдить одного прешняго шакирда, учившагося впоследствии въ русской школѣ русской грамотѣ по звуковому способу, указа-

болѣе частые, чѣмъ въ европейской письменности, случаи изображенія одного звука посредствомъ многихъ знаковъ, и наоборотъ, нѣсколькихъ звуковъ посредствомъ одного знака; опущеніе краткихъ гласныхъ безъ всякаго изображенія; долгоевременное изученіе однообразной литературы и проч. Какъ сильно дѣйствуетъ совокупность этихъ условій на разсудокъ татарскаго грамотѣя, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые, даже довольно образованные Татары, послѣ изученія татарской грамоты по употребительному въ настоящее время у Татаръ способу научившіеся русской грамотѣ по способу звуковому, высказываютъ мнѣніе о большей примѣнности арабскаго алфавита, въ сравненіи съ русскимъ, къ фонетикѣ татарскаго языка.

У буддистовъ и мухаммеданъ не проявляется особенно сильной сноты къ культурному сближенію съ Русскими; они не сознаютъ еще, что принятіе ими русскаго алфавита для письма и печати на ихъ языкахъ можетъ быть однимъ изъ средствъ болѣе быстро ознакомленія съ новымъ кругомъ идей, несравненно болѣе содержательнымъ и обширнымъ, чѣмъ тотъ, въ какомъ они теперь вращаются; не сознаютъ, что часть того продолжительнаго времени, которое тратится теперь на чисто механическую работу изученія грамоты, очень мало удобной для болѣе высокой степени культуры, могло бы быть, безъ ущерба религіозному образованію, употреблена на болѣе производительную работу.

Помимо ближайшей цѣли — сообщить матеріалъ для изученія извѣстной группы тюркскихъ нарѣчій — наша статья имѣетъ цѣлью показать, что введеніе русскаго алфавита въ грамоту Татаръ-мусульманъ имѣетъ и неудобство теоретическое, состоящее въ недостаточности нашихъ свѣдѣній по вопросу о фонетикѣ тѣхъ нарѣчій, къ которымъ хотятъ примѣнить русскую азбуку. Причина, по которой мы говоримъ преимущественно о казанскомъ нарѣчій татарскаго языка, заключается въ томъ, что это нарѣчіе въ настоящее время самое распространенное въ восточной половѣ Европейской Россіи, и что съ

нѣмъ на замѣну въ арабскомъ языкѣ, при грамматическихъ измѣненіяхъ словъ, буквъ *алифъ, саад* и имъ одной посредствомъ другой, въ связи съ измѣненіемъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, и на несоотвѣтствіе, въ другихъ случаяхъ, этихъ буквъ со знаками надстрочными и подстрочными, стоящими надъ и подъ этими буквами, — въ томъ, что въ арабскомъ языкѣ это согласныя, а не гласныя буквы; но не удалось убѣдить въ томъ, что въ арабскомъ словѣ *саад*, перешедшемъ и въ татарскій языкъ, находится не три, а четыре звука.

каждымъ годомъ оно все болѣе и болѣе поглощаетъ въ себя другія нарѣчія, преимущественно башкирское, менцеряцкое и киргизское, стирая ихъ особенности. Независимо отъ этого, можно считать его болѣе близкимъ въ фонетическомъ отношеніи къ древне-тюркскому языку чѣмъ другія тюркскія нарѣчія, существующія въ Европейской Россіи. Всякій, кто хорошо знакомъ съ литературой, имѣющею предметомъ своимъ изслѣдованіе тюркскихъ нарѣчій, знаетъ, какія бѣдныя свѣдѣнія имѣются въ настоящее время по занимающему насъ вопросу ¹⁾. Въ виду недостаточности нашего матеріала, мы по возможности воздерживались отъ теоретическихъ выводовъ и обобщеній.

Прежде всего позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о приемахъ изученія тюркскихъ языковъ. Несомнѣнно, что наиболѣе богатый матеріалъ для этого могло бы дать сравненіе извѣстнаго нарѣчія со всею группой тюркскихъ языковъ, напримѣръ, при изученіи казанскаго татарскаго нарѣчія сравненіе его со всѣми тюркскими, даже съ монгольскими и финскими языками; но такому сравнительному изученію должно предшествовать подробное и точное изученіе извѣстнаго нарѣчія въ его говорахъ. Говоры представляютъ самую твердую, реальную почву для изученія языка. Произволь, допускаемый въ настоящее время при опредѣленіи фонетическихъ законовъ, значенія корней, происхожденія и первоначальнаго значенія окончаній, суффиксовъ и префиксовъ извѣстнаго нарѣчія, станутъ менѣе возможнымъ, когда всѣ такого рода данныя получатся посредствомъ подробнаго изученія нарѣчія въ его говорахъ.

Равнымъ образомъ, слова и выраженія архаическія, а также слова и выраженія, употребляющіяся только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ шутиломъ разговорѣ, при играхъ, и обыкновенно не попадающія въ изслѣдованія ученыхъ, даютъ иногда прекрасный матеріалъ для соображеній. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Въ тюркскихъ языкахъ замѣчается поразительное явленіе — сходство глагольных образовательныхъ суффиксовъ и флексій съ образовательными суффиксами и флексіями именными; но это сходство еще не даетъ права

¹⁾ Ср. для примѣра лучшее въ этомъ родѣ сочиненіе *Березина: Recherches sur les dialectes musulmans* (Ученныя записки Имп. Казанск. Университета, Казань, 1848 г.). Какіе слабые результаты достигаются отъ изслѣдованія говоровъ, производимаго даже при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ, это можно видѣть, напримѣръ, изъ почтенной книги *Максимова: Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгарѣ и Караманѣ*, С.-Пб. 1867.

заключать даже къ внѣшнему, независимо отъ смысла, первоначальному тождеству, потому что нѣтъ ни одного какъ изъ древнихъ, такъ и теперешнихъ турецкихъ языковъ, въ которомъ сходство между именами и глаголами въ этомъ отношеніи было бы полное; потомъ, всѣ эти сходства, напримѣръ, сходство окончаній дат. п. гар (гәр) (янаръ—ангаръ, съ причастіемъ на ар (әр), съ глагольною приставкой за с т а в и т е л ь н ы хъ глаголовъ—гар (гәр)—кар, кәр, каз, кәз, и съ притяж. суффиксомъ 2-го л. мн. ч. нгар (енгеръ), нгыз (енгез) (алт.), нгыз (егезъ) (каз.); сходство другаго окончанія дат. пад. ган (кирг. маган, мнѣ, саган, тебѣ) съ прич. прош. на ган (гән); сходство именнаго суффикса, означающаго обладаніе: лык (кирг.), лы (тат.), (лек, ле) съ 1-мъ лиц. мн. ч. пов. накл. (въ кирг. языкѣ); сходство именнаго суффикса, выражающаго уменьшительность: чак, чыкъ (чек), съ приставкой ча, чы (че), прибавляемою какъ къ корню глагола, такъ и къ нѣкоторымъ изъ причастій и къ отглагольному имени дѣйствія, — могли образоваться уже впослѣдствіи, въ историческомъ развитіи языка, путемъ ассимиляціи, выбрасыванія, перестановки и проч. Только тогда, когда можно доказать равносильность извѣстнаго именнаго суффикса съ глагольнымъ по с м ы с л у, при употребленіи въ живой рѣчи, можно гадать и о полномъ тождествѣ этихъ приставокъ по ихъ первоначальному происхожденію. Напримѣръ, въ тат. языкѣ для образованія отыменныхъ глаголовъ существуетъ частица ла (лә); но точное значеніе ея, по обыкновенному употребленію, не совсѣмъ ясно. Когда эта частица одна прибавляется къ именамъ, означающимъ качество, то ея значеніе какъ будто ясно: именно, глаголы, образованные изъ именъ качественныхъ посредствомъ прибавленія къ этимъ именамъ частицы ла (лә), означаютъ с н а б ж а т ь (какой-нибудь предметъ) извѣстнымъ качествомъ, напримѣръ, жакшыла „охорашивать“, иллә „улаживать“; но когда эта частица прибавляется къ именамъ существит. веществ., то придаетъ имъ значеніе какъ-будто отличное отъ предыдущаго: напримѣръ, означаетъ п о д в е р г а т ь (извѣстный предметъ) дѣйствию другаго предмета (какъ орудія), напримѣръ, сыйлә (вм. сәлә) „подвергать кого-нибудь дѣйствию слова“, то-есть, „говорить о комъ-нибудь“, кузлә=„подвергать дѣвицу (кызны) дѣйствию глазъ“, то-есть, „смотреть“ (говорится о смотрилахъ передъ сватовствомъ); куллабъ ал=„брать руками“: подобные глаголы, поставленные по тат. въ дѣепричастіе, означаютъ обстоятельство образа дѣйствія; иногда частица эта значитъ производить что-нибудь, рождать: бызаула=„оте-

лится⁴, колонна=„ожеребиться“, бѣрѣнна=„объягниться“, кортла= „сдѣлаться червивымъ, производить изъ себя червей“, тирля=„производить изъ себя потъ“. Когда къ глаголу, образованному посредствомъ прибавленія этой частицы къ существительному, означающему какую-нибудь мѣру, прибавляется еще имя числит. колич., то это числительное, стоящее при глаголѣ, поставленномъ въ дѣпр. на аб (аб, ыб, еб), означаетъ только приближительность мѣры: ике сумнабъ=„около двухъ рублей“, бч аршиннабъ=„около трехъ аршинъ“¹⁾. Прибавимъ сюда еще глаголы, употребительные въ алт. яз.: палыкта= „доставать, прибрѣтать рыбу (рыбачить)“, одунда=„прибрѣтать дрова (рубить дрова)“ и проч. Нужно замѣтить еще, что въ тат. языкѣ въ глаголахъ, составленныхъ прибавленіемъ *ла* къ именамъ качественнымъ, дѣйствит. залогъ съ однимъ только *ла* употребляется рѣдко; чаще употребляется дѣйствительный залогъ, составленный чрезъ прибавленіе къ имени трехъ частицъ: *ла*, *возвр. и* и *причинит. дыр*= *лаудыр*, а здѣсь значеніе *ла* (*лѣ*) становится уже менѣе яснымъ. Уловить основное значеніе суффикса *ла* (*лѣ*) во всѣхъ этихъ случаяхъ употребленія его довольно трудно. Но вотъ, сопоставляя прилагательныя, произведенныя отъ существительныхъ прибавленіемъ суффикса *лы*, *ле* (тат.=кирг., алт. *лык*, *лек*), несомнѣнно означающаго обладателя (предметомъ, обозначаемымъ тѣмъ именемъ существительнымъ, къ которому суффиксъ *лы* прибавляется): кейемне кеше=„человѣкъ, имѣющій одежду“, бйлѣ кеше=„человѣкъ имѣющій домъ“²⁾, въ выраженіяхъ: синь мине кейемне иттен; синь мине бйлѣ иттен= „ты сдѣлалъ меня имѣющимъ (доставилъ мнѣ) одежду, домъ“, съ рѣдко употребляющимися выраженіями: синь мине кейемнаден; синь мине бйлѣден, равносильными по смыслу первымъ выраженіямъ, мы видимъ, что глагольный суффиксъ *ла* (*лѣ*) тождественъ по смыслу и по происхожденію съ именнымъ суффиксомъ *лы* (*ле*), *лык* (*лек*), приносившимся въ древне-тюркскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, какъ *лак* (*лѣк*). Еще ближе, по крайней мѣрѣ съ вѣршней стороны, напоминаетъ глагольный суффиксъ *ла* (*лѣ*) точно также рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, употребляющаяся въ казанскомъ на-

¹⁾ Это дѣпричастіе можетъ склоняться какъ имя: бч аршиннабы сатыбъ алдымъ=„я купалъ (количество) около двухъ аршинъ“.

²⁾ Для большей ясности значенія суф. *лы* ср. кортла съ кортчо: кортчо кеше=„человѣкъ, занимающійся пчелами (пчеловодствомъ)“, кортчо кеше, вообще *человѣкъ, имѣющій пчелъ*», или то-есть, хат' *късхъч*, богатый пчелами.

рѣчиі частичка *ла* (по ассимиляціи являющаяся часто въ видѣ *ла* и *лѣ*). Значеніе этой частички близко подходит къ значенію другой частички *ич*, употребляемой точно также, какъ и *ла*, послѣ другихъ словъ, вѣдь же: *алдын-ич*—„да вѣдь вьалъ же ты?“ (то-есть, чего тебѣ еще надо?). Точно также и частичка *ла* сообщаетъ отвѣту отбѣнокъ неудовольствія на недогадливость спрашивающаго и какъ бы и одкрѣпляетъ отвѣтъ. Кемъ улъ?—„Кто это (туть)?“ вопросъ, обращенный, напримѣръ, испутри двора къ стоящему за запертыми воротами).—*Мин-нѣ*—„Да я!“ (развѣ ты не узналъ? зачѣмъ ты призываешься ко мнѣ?). Можно, пожалуй, и отъ смысла этой частички вывести предположеніе къ первоначальному значенію глагольнаго суффикса *ла*, точно также, какъ отъ значенія междометія *мѣ!* *мѣгезь*—„возьми! возьмите! на! на-те!“¹⁾ можно сдѣлать предположеніе къ первоначальному значенію отрицат. глагольнаго суффикса *ма* (*мѣ*), или можно искать связи по значенію, съ одной стороны, между междометіемъ *чу!* *чугезь*—„остановись остановитесь! перестань! перестаньте!“, существительнымъ *чор*—„предѣлъ времени, время окончанія какого-нибудь событія и время пачала другаго“²⁾, словомъ *чак*, означающимъ: 1) крайній предѣлъ, границу между двумя количествами, напримѣръ, во времени, границу между рано и поздно, то-есть, вѣ-время: *чак-кына* (или *чак-чак кына*) килебъ житень—„поспѣлъ какъ разъ вѣ-время, чуть-чуть не опоздалъ“; шул чакта, шул чактукъ (шул чагында, шул чагындукъ, съ прит. суфф. 3-го л.)—„въ это время“; 2) крайній предѣлъ между двумя количествами вещества—достаткомъ и недостаткомъ: *пустау кеймгя чак-кына будды*—„сукна чуть-чуть достало на одежду, только какъ разъ впору пришлось“; *чак*—„посредственный по качеству (близкій къ плохому)“, *чак-чак*—„кушанье Татаръ, состоящее изъ маленькихъ кусочковъ бѣлаго тѣста, сваренныхъ въ маслѣ и облитыхъ медомъ“, и съ другой стороны — именными приставками *чак* (*чѣк*), *чык* (*чек*), означающими уменьшительность, и глаг. суффиксами *чак* (*чек*) тат., напримѣръ, *кылячек уакыть* или *заман* (буд. вр.) = тур. *джакъ* (*джекъ*), *джа* (*дже*).

Несомнѣнно однако, что, хотя ближайшее изученіе извѣстнаго нарѣчія въ отдѣльности можетъ навести на многія предположенія

¹⁾ Въ существующихъ теперь словаряхъ тюркскихъ нарѣчій было бы напрасно отыскивать частички *ла* и *лѣ*.

²⁾ Ср. русскія слова: *чуръ*, *зачураться*.

относительно исторіи этого нарѣчія, значенія его корней, происхожденія и значенія его суффиксовъ и флексій, но справедливость этихъ предположеній должна быть провѣряема сравнительнымъ изученіемъ этого нарѣчія съ другими родственными ему нарѣчіями ¹⁾. Внимательный просмотръ, на примѣръ, флексій алт. языка далъ бы Шотту ²⁾ возможность избѣгнуть ошибки—счесть ин въ Gelinge за приращ. прист. 3-го л. Изъ рассмотрѣнія глаг. флексій алт. языка становится очень ясно, что окончанія: ан, ен, ин, ии, встрѣчающіяся и въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, суть въ сущности причастное окончаніе, имѣющее въ полномъ видѣ, на примѣръ, въ тат. и башк. нарѣчіяхъ форму ган (гѣн), въ кирг. ган (ген). Гелендже тур.—киленче, алт. кильгенче кирг., кильгѣнчѣ (также—кильгенче) тат. Въ алт. языкѣ въ окончаніи того причастія, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, : выбраывается; если корень глагола оканчивается на гласную, то это причастіе оканчивается на аан (еен). Слова, употребительныя въ тат. языкѣ съ оконч. ан (ен), по первоначальному происхожденію суть причастія по алт. фонетикѣ, на примѣръ, жылан=,амъя“ (собственно ползущее), килеи=,сноха“ (собств. пришедшая, то-есть, въ семью).

Изученіе извѣстнаго нарѣчія въ сравненіи съ другими можетъ поддѣрживать и объяснить единичныя и потому сомнительныя явленія, встрѣчающіяся въ этомъ нарѣчіи. На примѣръ, случай перехода б въ у и й, можетъ считаться исключительнымъ въ тат. нарѣчіи, такъ какъ встрѣчается въ одной только извѣстной формѣ и притомъ только немногихъ глаголовъ, корень которыхъ оканчивается на этотъ звукъ; но онъ становится яснѣе, когда мы изучаемъ тат. языкъ въ связи съ алтайскимъ, гдѣ замѣна й другихъ тюркскихъ языковъ посредствомъ б довольно обычна. То же должно сказать и о замѣнѣ ж и т другъ другомъ, которая также, какъ и предыдущая, довольно рѣдка въ тат. нарѣчіи (келянче, телянче, келямьякъ, телямьякъ, калпакъ талпакъ), если мы встрѣчаемъ въ алт. языкѣ итмякъ вм. тат. нкмякъ ³⁾, и др.

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ сравненія тат. языка съ алтайскимъ, какъ таинимъ языкомъ, который довольно далеко (сравнительно, на примѣръ, съ башк. и кирг. языками) отстоитъ отъ тат. языка, какъ въ лексическомъ, такъ и въ фонетическомъ отношеніяхъ (вслѣдствіе чего различіе представляется рельезнѣе), но не на столько одинакомъ далеко, чтобы связь между ними въ этихъ отношеніяхъ была уже темна.

²⁾ Altajische Studien. 1-те Н., S. 601.

³⁾ Слова тат. языка: чак и чат, чик и чит, очень близки другъ къ другу по значенію, принадлежать, можетъ быть, къ одному корню.

Изученіе татарскаго нарѣчія въ сравненіи съ другимъ, имѣющимъ въ какомъ-либо отношеніи болѣе древній характеръ, напримѣръ, съ алтайскимъ языкомъ, особенно полезно, за невозможностью сравнивать съ древне-тюркскимъ языкомъ, такъ какъ такового въ первоначальной его чистотѣ не сохранилось. Напримѣръ, въ алтайскомъ языкѣ, какъ и въ киргизскомъ, лучше, чѣмъ въ татарскомъ, сохранился первоначальный основной смыслъ словъ, особенно отношеніе къ кочевому быту, общему въ недавнее, сравнительно съ Арійскими племенами время, у всѣхъ Тюркскихъ племенъ. Напримѣръ, въ тат. языкѣ употребляется слово: айда! айдагыз! (также: айда! айдагез!) въ значеніи: „пойдемъ! пойдемъ-те!“, тогда какъ въ алт. языкѣ, какъ и въ кирг., слово это имѣетъ другой смыслъ: ай—крикъ погонщика скота, и отсюда глаголь айда=,гагайкать, гнать крикомъ скотъ“. Въ тат. языкѣ слово кям (иногда ким; произв. гл.: кяме кямет, кямсет, или же—киме, кимет, кимсет) употребляется въ значеніи количественнаго недостатка, тогда какъ въ алт. языкѣ это слово указываетъ на качественный недостатокъ, порокъ. Часто въ тат. языкѣ бываетъ такъ, что коренное слово не употребляется, а лишь только одни производныя отъ него, напримѣръ, тат. чогонна= „уросить“ (о лошади), а въ алт. языкѣ есть корень этого глагола чугул=,гнѣвъ“, отсюда чугулда=,гнѣваться“. Случается, что въ тат. языкѣ употребляется не коренной глаголь, сохранившійся, положимъ, въ алт. языкѣ, напримѣръ, алт. тужа=,путать“ (ноги лошади), но производный отъ существительнаго, происшедшаго отъ кореннаго глагола: тат. тшаула происходитъ отъ отглагольнаго имени тшау (вм. тшак)=,путаніе, пути“. Въ тат. языкѣ нерѣдко встрѣтятся двѣ параллельныя группы словъ, происходящія отъ одного и того же корня: одна изъ этихъ группъ произносится по правиламъ тат. фонетики и ближе подходит въ фонетическомъ отношеніи къ древне-тюркскому языку, а другая произносится по правиламъ алтайской или же киргизской фонетики. Очевидно, эта вторая группа заимствована въ позднѣйшее сравнительно время у Алтайцевъ, Киргизъ и др.; основной смыслъ послѣдняго рода словъ остается для Татаръ уже неизвѣстнымъ. Напримѣръ, въ тат. языкѣ употребляется глаголь ас=,вѣсить“, съ производными отъ него словами, по тат. фонетикѣ; но употребляется также и слово азык=,нища“, происходящее отъ того же корня, но уже по алтайскому произношенію, первоначальное значеніе котораго — висящее, повѣшенное (или въ котлѣ, для варки, или въ кладовой для просушки и храненія, напримѣръ, мясо,

рыба) для Татаръ уже неизвѣстно, потому что для нихъ уже неизвѣстно происхождение этого слова отъ корня ас. Другіе примѣры: жымъ алт.; жон тат. = „шерсть“, жомышак тат. вообще = „мягкій“, алт. жымышак. Жобо алт. = „хворать, чувствовать изнеможеніе“, жобот = „измучить“; въ тат. употребляется отъ перваго глагола только производный, съ суффиксомъ, означающимъ ослабленіе дѣйствія жабик = „отощать отъ устатка“, также жабик = „тощій“; второй алт. гл. въ тат. языкѣ является въ видѣ жобат = „утишать“ (дита); алт. жобош = „кроткій, смиренный (собств. укрощенный, убитанный, утомленный)“, въ каз. тат. нарѣчій произносится уже какъ жуаш. Сукмакъ алт. = „бить, колотить“ вообще и въ частности „бить, рѣзать скоть“, тат. сукмакъ = „бить“; для понятія „рѣзать скоть“ слово это измѣнилось въ суймак; но слово сугымныкъ = „скотина, назначенная на убой“, осталось въ тат. языкѣ по алт. произношенію. На происхождение тат. слова жбре отъ жул въ настоящее время въ тат. языкѣ указываетъ только выраженіе жул жбре, но въ алтайскомъ языкѣ происхождение это становится яснымъ, во первыхъ—изъ того, что приставка и (е), для производства отыменныхъ глаголовъ очень обычна въ немъ, вторыхъ—изъ того, что въ алт. языкѣ глаголъ этотъ имѣетъ дебелый, какъ и существительное, характеръ (жор), и третьихъ—изъ тожества коренной гласной какъ глагола, такъ и существительнаго въ алт. языкѣ (жол, жор), тогда какъ въ тат. языкѣ гласныя эти различны (жул, жбре или жбр). Происхождение тат. слова журга = „иноходъ“ точно также, какъ и происхождение глагола жбре, не ясно, но въ алт. языкѣ происхождение этого слова (жорго) отъ жол и жор ясно. Корень энъ, какъ въ алт., такъ и въ тат. языкѣ, употребляется и дебело, и тонко, алт. эн-дер и ан-дар = „опрокидывать“; въ каз. нар. этотъ глаголъ употребляется только дебело, кромѣ того здѣсь и измѣняются на у—аудар¹⁾; другія производныя слова какъ въ алт., такъ и въ тат., употребляются тонко: алт. инір, каз. энер = „вечер“, то-есть; поворотъ солнца на закатъ²⁾.

¹⁾ Индер въ крещ—тат. яз. употребляется о непосыланіи Богомъ съ неба (напримѣръ, ангела). Слово утатмух не употребляется, потому что считается двусмысленнымъ. Башкиры употребляютъ ин, ин-дерь вмѣсто тат. керъ, кергезъ нзмага ниде.

²⁾ Отсюда становится яснымъ значеніе частицы ии (алт. өи), прилагасмой къ именамъ прил. кач. для усиленія качества: ии жакши = „крайне хорошій“. Ии-эч = „подоплека“ (то-есть, крайняя внутренняя сторона рубашки). Частица ии (өи) собственно служитъ корнемъ для указанныхъ глаголовъ.

Сравненіе татарскаго языка съ алтайскимъ было бы полезно и для уясненія происхожденія и значенія образовательныхъ именныхъ и глагольныхъ суффиксовъ и флексій, которыя въ алтайскомъ языкѣ разнообразнѣе и имѣютъ болѣе древній видъ, чѣмъ въ татарскомъ. Взять, на примѣръ, образовательную приставку *т* или *д* прошедш. вр., на примѣръ, *иттем*, *кылдым* ¹⁾. Алтайскій языкъ несомнѣнно доказываетъ, что эта приставка образовалась изъ вспомогат. глагола *тур* (см. *турур*), такъ какъ въ этомъ языкѣ, на ряду съ сокращенною формою, употребляются и полныя формы этихъ приставокъ.

I.

Татарское нарѣчіе, вмѣстѣ съ нарѣчіями мишарскимъ (мещеряцкимъ), тептарскимъ и башкирскимъ, обыкновенно причисляется къ средней вѣтви тюркскаго языка; первою вѣтвью этого языка считаются восточныя или джагатайскія нарѣчія, а третьею—османское или турецкое. Татарское нарѣчіе раздѣляется на поднарѣчія: сибирское (которыя говорятъ Татары Тобольскаго и Тарскаго уѣздовъ), казанское, азербейджанское и крымское.

Казанское татарское поднарѣчіе, въ свою очередь, не представляетъ изъ себя языка, имѣющаго совершенно точно опредѣленные и однообразные законы фонетики, лексикона и грамматики, что зави-

¹⁾ Чтобы не затруднять печатанія своей статьи, мы сочли нужнымъ обозначить при приведеніи татарскихъ словъ только главныя особенности татарской фонетики. Кромѣ тяжелыхъ звуковъ *а*, *о* и *у*, въ татарскомъ языкѣ есть тонкіе, которые отличаются отъ русскихъ звуковъ *я*, *ѣ*, *ю* (когда эти звуки стоятъ послѣ согласныхъ), главнымъ образомъ, меньшею степенью тонкости, то-есть, произносятся какъ звуки средніе между русскими *а*, *о* и *у*. съ одной стороны, и *я*, *ѣ* и *ю*—съ другой. Кромѣ звука *и*, тождественнаго съ русскимъ звукомъ *и*, въ тат. языкѣ есть носовое *и* (какъ нѣм. *ing* передъ гласнымъ звукомъ). Кромѣ звука *с*, сходнаго въ отношеніи мягкости съ русскимъ *г*, въ тат. языкѣ есть еще придыхат. звукъ *г*, употребляемый для выраженія арабскихъ звуковъ, обозначаемыхъ посредствомъ *чаниъ*, *чъаниъ* и *сэ*. Кромѣ звука *ж*, сходнаго съ русскимъ *ж*, есть еще мягкое *ж* (тюриск. *йотъ*). Послѣ *и* и *р* мы ставимъ обыкновенно русскія буквы *я*, *ѣ* и *ю*, потому что, по нашему мнѣнію, утонченные тат. звуки, стоящіе послѣ этихъ согласныхъ, произносятся очень близко къ русскимъ звукамъ *я*, *ѣ* и *ю*. Съ произношеніемъ остальныхъ тат. звуковъ, какъ оно представляется на нашъ взглядъ, читатель можетъ ознакомиться при чтеніи второй главы нашей статьи; здѣсь мы считаемъ нужнымъ замѣтить только, что гортанные звуки *к*, *г* и *х* произносятся въ тат. языкѣ, когда они стоятъ предъ тяжелыми гласными, глубоко гортанно, и что *ч* всегда произносится мягче, чѣмъ русское *ч*.

силь отъ различныхъ вліаній, которымъ подвергалось и подвергается оно. Наибольше замѣтное вліаніе, которому подвергается казанскій татарскій языкъ, это—вліаніе языковъ джагатайскаго и турецкаго. У Казанскихъ Татаръ нѣтъ книгъ, которыя были бы написаны на чисто-татарскомъ языкѣ: книги ихъ — или простая перепечатка джагатайскихъ и турецкихъ книгъ, или же—подражаніе джагатайскимъ и турецкимъ книгамъ, съ большею или меньшею примѣсью татарскаго языка.

Далѣе, на казанскій татарскій языкъ оказываютъ вліаніе, также книжнымъ путемъ, арабскій и персидскій языки. На арабскомъ языкѣ обращаются среди Татаръ цѣлыя книги, или же арабскій текстъ входитъ въ видѣ отрывковъ и отдѣльныхъ выраженій въ текстъ книгъ, написанныхъ на джагатайскомъ и турецкомъ языкахъ. Знаніе персидскаго языка менѣе распространено среди Татаръ, чѣмъ знаніе арабскаго языка. Вліаніе арабскаго и персидскаго языковъ на татарскій выражается въ двухъ отношеніяхъ—синтаксическомъ и лексическомъ. Въ синтаксическомъ отношеніи вліаніе было и непосредственное, и посредственное (при посредствѣ джагатайскаго и турецкаго языковъ): оно выразилось, главнымъ образомъ, въ появленіи въ татарскомъ языкѣ полныхъ придаточныхъ предложений, начинающихся съ относит. мѣстоименій, образовавшихся изъ мѣстоименій вопросительныхъ ¹⁾. Вліаніе арабскаго языка на татарскій въ лексическомъ отношеніи принадлежитъ къ самымъ важнымъ: въ татарскій языкъ перешло изъ арабскаго языка множество словъ, преимущественно для выраженія понатій, относящихся къ сферамъ религіи и науки. Татаринъ еще съ дѣтства, путемъ чисто практическимъ, на-слухъ, запоминаетъ множество ходячихъ фразъ на арабскомъ языкѣ, подобно тому какъ русскій человекъ съ дѣтства же запоминаетъ множество выраженій на славянскомъ языкѣ и даже цѣлыя части Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ наиболѣе употребительныя при богослуженіи. Относительно вліанія арабскаго языка на татарскій въ фонетическомъ отношеніи можно сказать развѣ то, что, кажется, благодаря усердному изученію казанскими Татарами-мухаммедами арабскаго языка, обильнаго придыхательными звуками, таковыя звуки довольно крѣпко сохраняются у этихъ

¹⁾ Въ татарскихъ говорахъ народныхъ, не подвергшихся еще вліанію книжнаго языка, почти совершенно не встрѣчается относительныхъ мѣстоименій и полныхъ придаточныхъ предложений.

Татарь какъ въ чисто-тюркскихъ, такъ и въ арабскихъ и персидскихъ словахъ, тогда какъ, напримѣръ, въ татарскомъ-крещенскомъ говорѣ, отчасти и въ говорѣ малоученыхъ и неученыхъ Татарь-мухаммеданъ, одни изъ этихъ звуковъ (ъаинъ, гә) пропускаются, другіе (ха, ххи и фә) превращаются въ твердые звуки (гхафъ, кәфъ, пи). Можетъ быть, вліяніемъ арабскаго же языка именно, вслѣдствіе того, что голосовые органы Татарина съ дѣтства упражняются въ произношеніи согласныхъ звуковъ арабскихъ, вообще очень разнообразныхъ, слѣдуетъ объяснять и тотъ фактъ, что тогда какъ во многихъ изъ теперешнихъ восточныхъ тюркскихъ нарѣчій, напримѣръ, въ алтайскомъ, чувашскомъ, барабинскомъ и отчасти киргизскомъ, строго выдерживается тотъ законъ произношенія согласныхъ звуковъ, что согласная, стоящая между гласными или послѣ мягкой или же плавной согласной, произносится мягко, а согласная, стоящая въ началѣ или концѣ слова, или же передъ или послѣ твердой согласной, произносится твердо, то-есть, что произношеніе согласныхъ звуковъ весьма сильно подчиняется въ отношеніи мягкости или твердости вліянію гласныхъ звуковъ,—въ татарскомъ нарѣчій согласные звуки гораздо болѣе устойчивы: можно указать только развѣ на переходъ *б* въ *н* на концѣ словъ, сообразованіе зубнаго звука (*д*, *т*), встрѣчающагося въ окончаніяхъ, съ предыдущею согласною въ мягкости или твердости, переходъ конечнаго *к* въ *і* передъ гласною, переходъ зубнаго звука послѣ плавныхъ *л*, *н* и *м* (санграу кяль) по ассимиляціи въ *н* и т. п.

Джагатайскій и турецкій языки, кромѣ указаннаго синтаксическаго вліянія на татарскій языкъ, оказываютъ на него еще вліяніе этимологическое и лексическое: они путемъ книжнымъ вводятъ въ татарскій языкъ свои слова по произношенію, свойственному этимъ языкамъ, свои суффиксы и флексіи. Джагатайскія слова, выраженія и произношеніе въ татарскомъ языкѣ можно считать архаизмами, а слова, выраженія и произношеніе турецкія—неологизмами. Такъ, малограмотные и неграмотные казанскіе Татары-мухаммедане произносятъ йотъ, стоящій въ началѣ словъ, твердо, какъ франц. *j*, тогда какъ тѣ Татары-мухаммедане, которые имѣютъ притязаніе на титулъ людей начитанныхъ, стараются произносить мягко, какъ турецкій йотъ: первые говорятъ: жукъ, жакынъ, жакъ, вторые—йукъ или йокъ, йакынъ йакъ и т. п. Первые говорятъ и пишутъ: оло, олола, ул (сыпъ), сасы, бодай, сау, тау, ауз, ачу, уянди, жауринъ, байламак (или бййламак), а вторые пишутъ, читаютъ, иногда и говорятъ по-джагатайски: ологъ, ологла, угыл, сасык, богдай, сакъ, тагъ, багламак, йагырынъ, уйганды

агъв, ачыг; заиъ арабскихъ словъ и ги арабскихъ и персидскихъ словъ простонароды обыкновенно пропускаетъ, тогда какъ сильно-грамотный Татаринъ старается произносить этотъ звукъ; такъ малограмотные говорятъ: айеб, „вина“¹⁾ (что нужно отличать отъ сходнаго съ нимъ ганьбъ, „отсутствующій, скрывшійся изъ виду, погибшій“, которое всегда произносится съ : заиб: заиб будды = жул будды), таалѣ, ѣжаб, азаб, акыл, ѣбрѣт, ѣлѣмѣт, ѣдѣт²⁾; первые: ѣръ, ѣнѣръ, ауа, ауаз, ич; вторые: ѣръ, ѣнѣръ, ѣуа, ѣуаз, ич³⁾. Тѣ изъ Татаръ-мухаммеданъ, которые хорошо знаютъ грамоту, обыкновенно выдерживаютъ придыхательный звукъ х въ арабскихъ, персидскихъ и тюркскихъ словахъ, тогда какъ малограмотные обыкновенно превращаютъ его въ к; такъ, первые говорятъ: хылык, халык, хат, хуш, нѣсикѣт, нахах, ходрат, кодай, хатын, а вторые—кылык, калык, кат, куш, наках, или накак, кодрат, кодай, катын⁴⁾. Сильно грамотные пишутъ и читаютъ по турецки: йоддос, йамгур, йалгыз, абдра, а малограмотные: жоцдос, жамгыр, жамгыз, аптра.

По замѣчанію г. Ильминскаго, „изъ смѣси джагатайскихъ, арабскихъ и персидскихъ словъ и оборотовъ съ чисто-татарскими словами и оборотами и состоитъ такъ-называемый книжный языкъ казанскихъ Татаръ-мухаммеданъ“⁵⁾. Обыкновенный разговорный языкъ неученыхъ или малочуеныхъ Татаръ-мухаммеданъ чище: синтаксисъ этого языка чисто тюркскій, но словъ арабскихъ встрѣчается въ немъ много, и притомъ болѣе или менѣе сохраняется правильное произношеніе этихъ словъ.

Еще чище, чѣмъ разговорный языкъ малограмотныхъ Татаръ-мухаммеданъ, — языкъ крещенныхъ Татаръ. Этотъ послѣдній подпалъ гораздо меньшему вліянію книжнаго искусственнаго языка, чѣмъ первый. Въ крещено-татарскихъ пѣсняхъ и пословицахъ можно указать

¹⁾ Крещенные Татары произносятъ это слово какъ айыбъ.

²⁾ Слово заделъ всеми Татарами произносится непременно вѣстѣ съ заиномъ.

³⁾ Слово гонага, у крещ. иногда гѣнѣгѣ, произносится всегда вѣстѣ съ ии.

⁴⁾ Замѣчательно, что какъ тюркское племя Чуваши, такъ и ениское Вотани, хотя живутъ рядомъ съ Татарами, не могутъ выговаривать придыхательныхъ звуковъ х и ѣ, и звуки эти въ замѣтвемыхъ изъ русскаго языка словахъ мѣняютъ на твердые к и н.

⁵⁾ «О переводѣ правосл. христ. книгъ на тат. языкъ при христіанско-тат. школѣ въ Казани»: Ж. М. Н. Пр. 1870 г., ч. СЛІІ.

только рѣдкіе случаи отступленія отъ древне-тюркскаго способа выраженія опредѣлительныхъ придаточныхъ предложений¹⁾. Количество словъ, взятыхъ изъ арабскаго и персидскаго языковъ, несравненно меньше, чѣмъ въ татарскомъ-мухаммеданскомъ, что совершенно понятно, такъ какъ мухаммеданское вліяніе еще не успѣло у крещенныхъ Татаръ переработать древнія тюрскія вѣрованія, переиначившіяся съ религіозными вѣрованіями христіанскими; притомъ у крещенныхъ Татаръ заимствованныя изъ арабскаго слова болѣе татаризованы путемъ фонетическаго, а иногда и смысловаго измѣненія, чѣмъ у Татаръ-мухаммеданъ. Поэтому очень часто бываетъ, что одно и то же слово, взятое изъ арабскаго или персидскаго языковъ, у Татаръ-мухаммеданъ произносится такъ,—именно болѣе или менѣе согласно съ произношеніемъ въ арабскомъ и персидскомъ языкахъ, и имѣеть болѣе или менѣе близкое къ тому значеніе, какое имѣеть въ этихъ языкахъ, а у Татаръ крещенныхъ произносится иначе, при чемъ иногда измѣняется и значеніе слова.

Во многихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ Татары-мухаммедане употребляютъ только одно арабское слово, или же два, арабское и тюркское—въ послѣднемъ случаѣ каждое съ нѣсколькими различными значеніями или же съ одинаковыми значеніями, но одно слово, напримѣръ, арабское, употребляется чаще, чѣмъ другое, — у крещенныхъ Татаръ употребляется одно тюркское слово, или же два, арабское и тюркское, но тюркское употребляется чаще арабскаго; напримѣръ, у тат.-мух.: сафър кыл и жул жбре „путешествовать“, у крещ. тат.: жул жбре; у тат.-мух.: іаиб бул и жук бул., у крещ.: жук бул „исчезать“; у тат.-мух. жайтимъ „сирота, не имѣющій отца или матери“, укесъ „круглый сирота“, у крещ. тат.: укесъ „сирота вообще“; у тат.-мух.- аджѣт (ар.), бургыч „долгъ вообще“, утич „заемъ вещами“, кѣтѣсе „заемъ деньгами“, у крещ. тат. первое слово рѣдко; тат.-мух.: калям (ар.) „перо“ и „карандашъ“, у крещ.-тат.: капат „перо“ и „крыло“, и какъ и русск. карандашъ.

Произношеніе арабскихъ и персидскихъ словъ у неученыхъ Татаръ-мухаммеданъ отличается отъ книжнаго, большею частію, очищеніемъ

¹⁾ Пословицы въ родѣ: кем чапаына утырсанг тунми жырун да жыра (въ чьи сани сѣлъ, того и пѣсни пой—съ волками жить, поволчьи выть), построены въ синтаксическомъ отношеніи, очевидно, на русскій ладъ. Чаще чѣмъ предыдущій оборотъ можно услышать въ разговорной крещенской рѣчи: ѡрь кем шугъ, или: ѡрь кайсы-шугъ «всякъ, кто—тотъ».

зайна и ги, переменной ха и кха на гхафъ или кэфъ, тогда какъ крещенные Татары, кромѣ того, переменяютъ еще дебелое произношеніе словъ на тонкое; и наоборотъ, напримѣръ, у Тат.-мух.: гонага, у крещ.: гонага и гбнѣгѣ; у Тат.-мух.: айсеб, у крещ. айсеб.

Что же касается другаго придыхат. звука—фи, то межъ тѣмъ какъ Татары-мухамедане—и сильно-грамотные, и малограмотные—не измѣняютъ его на твердый звукъ пи, крещенные Татары почти всѣхъ мѣстностей измѣняютъ, напримѣръ, км. жиѣкъ, файда, фѣриштѣ, послѣдніе говорятъ: жиякъ, пайда, пѣриштѣ. Арабскій звукъ вавъ (w) въ говорѣ крещенныхъ Татаръ переменяется на б (км. вакытъ — багытъ ¹⁾), тогда вавъ у Татаръ-мухамеданъ это вавъ всегда остается.

Въ татарскомъ языкѣ есть такіа взятія изъ другихъ языковъ слова, постепенность измѣненія которыхъ, сообразно съ фонетическими законами татарскаго языка, очень наглядно показываетъ взаимное отношеніе трехъ сейчасъ указанныхъ говоровъ: книжнаго-мухамеданскаго, разговорнаго-мухамеданскаго и крещенскаго; напримѣръ, въ мухамеданскихъ книгахъ пишется и мухамеданскими учеными произносится уджмакъ, фѣриштѣ, мужиками-мухамеданами произносится жомакъ или жомакъ, фѣриштѣ или фѣриштѣ, крещеными — жомакъ, пѣриштѣ.

Не мало отличій между говоромъ Татаръ-мухамеданъ и говоромъ крещенныхъ Татаръ и въ турецкой части лексикона: для выраженія одного и того же понятія у Татаръ-мухамеданъ иногда употребляется одно слово, у крещенныхъ—другое, или же у тѣхъ, и другихъ—одно и то же, но у первыхъ ближе къ древне-турецкой формѣ и дебело, а у послѣднихъ сокращенно и тонко: напримѣръ, у Татаръ-мухамеданъ говорится: буа, бумакъ, у крещ. бѣа бѣямѣкъ; у мух. кукъ культрѣ (рѣдко), и кукъ кукрѣ (чаще), у крещ. кукъ кукрѣ; Тат.-мух. жегерлѣ, крещ. жерлѣ; Тат.-мух. куремче и курѣзѣ, крещ. курѣзѣ; Тат.-мух. рѣдко купчѣкъ, чаще тѣгармѣч, крещ. тѣгармѣч; мух. сука калаги „лопатка у сохи“, карлау „лопатка у плуга“, у крещ. только сука калаги; мух. камитъ инясе и эрмѣ, крещ. камитъ инясе. Рѣдко бываетъ наоборотъ, что крещенные Татары произносятъ дебело тѣ слова, которыя Татарами-мухамеданами произносятся тонко; напримѣръ, первые говорятъ: айсеб, жабыштыр, вторые—айсеб, жабештер и т. п. Замѣчательно также, что крещенные Татары превращаютъ, въ

¹⁾ К переменн. здесь въ і, очевидно, подъ влияніемъ мягкой согласной предыдущаго слога.

извѣстныхъ случаяхъ, звуки *д* и *л* флексій по ассимиляціи въ *н*, тогда какъ Татары-мухаммедане почти никогда этого не дѣлаютъ. Вообще отношеніе крещено-татарскаго говора къ говору мухаммеданскому татарскому можно выразить такимъ образомъ: крещено-татарскій говоръ представляетъ собою, сравнительно съ мухаммеданскимъ татарскимъ, дальнѣйшую ступень развитія татарскаго языка на основѣ татарской, болѣе чистой отъ постороннихъ примѣсей и вліяній, чѣмъ въ мухаммеданскомъ татарскомъ говорѣ.

Всѣ вышеуказанныя вліянія на казанское татарское нарѣчіе проникаютъ путемъ книжнымъ. Рядомъ съ этимъ книжнымъ вліяніемъ идетъ другое, именно — вліяніе языковъ тѣхъ народовъ восточной полосы Россіи, смѣшанно съ которыми живутъ казанскіе Татары, и съ которыми они вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсныя бытовныя, граждаскія и т. п. сношенія. Здѣсь прежде всего нужно упомянуть о вліяніи русскаго языка. Татары, живущіе смѣшанно съ Русскими, особенно занимающіеся промыслами и торговлей среди русскаго населенія, очень порядочно говорятъ по русски; заимствовавъ у Русскихъ много новыхъ понятій, они волей-неволей должны были заимствовать въ свой языкъ и много русскихъ словъ, обозначающихъ эти понятія ¹⁾. Изъ казанскихъ Татаръ, особенно изъ среды чиновнаго и богатаго купческаго сословія, есть много лицъ, прекрасно, съ чисто московскимъ акцентомъ говорящихъ по русски.

Заимствованіе русскихъ словъ въ татарскій языкъ чрезвычайно удобно. Нечего и говорить уже о заимствованіи именъ существительныхъ, дѣлаемомъ съ большою легкостью во всѣхъ языкахъ; и болѣе трудныя заимствованія — глаголовъ дѣлаются въ татарскомъ языкѣ чрезвычайно легко. Именно, Татаринъ при разговорѣ на своемъ языкѣ всякій разъ, когда чувствуетъ, что извѣстное понятіе, выражаемое русскимъ глаголомъ или совсѣмъ не можетъ быть выражено на татарскомъ языкѣ, или же можетъ быть блѣдно выражено только посредствомъ набора словъ, иногда очень многочисленнаго (большею частію поставленнаго въ дѣсприч. формѣ), просто-на-просто приставляетъ русскій глаголъ, взятый въ существительной формѣ, къ татар-

¹⁾ Нерѣдки случаи, когда татарскія семьи, живущія въ тѣсной бытовой связи съ русскими семьями, говорятъ языкомъ въ родъ того, какимъ разъ говорила со своимъ братомъ одна дѣвочка-Татарка, принадлежавшая къ такой семьѣ: «ми папашага ййтерем, зачѣмъ син стѣнага мовать иттѣнг», то-есть: «я скажу папашѣ, зачѣмъ ты намазалъ на стѣну».

свому глаголу *итъ* „дѣлать“: *жаунтъ* итсмакъ „заявить, объявить“ (обозначеніе известнаго гражданскаго акта)¹⁾. Вслѣдствіе необычайной простоты и однообразія именныхъ и глагольныхъ суффиксовъ въ турецкихъ языкахъ, изъ каждаго русскаго существительнаго можетъ легко быть сдѣлано въ татарскомъ языкѣ прилагательное, изъ каждаго имени существительнаго или прилагательнаго можетъ быть сдѣлано глаголъ во всѣхъ употребительныхъ въ татарскомъ языкѣ формахъ, напримѣръ, отъ чиста „частый“ глаголи: чистармакъ, чистартмакъ, чисталапмакъ, чисталапдырмакъ, чисталаншпмакъ, чисталапдырышмакъ, чисталаштыргаламакъ; *нужа* (русск. *нужда*) „бѣдный“—*нужаланмакъ*, *нужаландырмакъ* и проч.

Русскія слова, при переходѣ въ татарскій языкъ, большею частію измѣняются сообразно съ законами фонетики этого языка. Русскій звукъ *о* въ татарскомъ языкѣ переходитъ въ *у*, по всей вѣроятности, потому, что тат. звукъ *у* по степени долготы ближе подходитъ къ русскому *о*, чѣмъ татарское *о* (чаще произносимое кратко), напримѣръ: *судукъ*, *сурукъ*²⁾, *мут*, *сумала* или *смула* (смола), *пумала* (помело), *мунчала* и *мучала* (мочало). *Е* обыкновенно переходитъ въ *а*: *санат*, *сала* (село), *шалпай* (шалфей). Придыхат. согласные звуки *х* и *ф* обыкновенно переходятъ въ *к* и *и*: *патир* (квартира, простонародное русское—*фатера*), *шалпай*, *Пилип* (Филиппъ), *порма* (форма), *штрап* или *штрау* (штрафъ), *сука*, *баркыт* (бархатъ).

Русское *в* переходитъ или въ *б*, или въ *у* (англ. *w*): *Пабыл* (Павель), *укуат* (ухватъ). *Ц* переходитъ или въ болѣе мягкое *тс*: *ситса*, *ситсы* (ситець), или въ *с*: *Сарисынъ* (Царицынъ, городъ), *плиса* (плица, совокъ), *отес* или *осес* *Ибанъ* (отецъ Иванъ). *Щ* переходитъ въ *ш*: *шутка* (щетка). Русское *ж*—въ болѣе мягкое татарское *йотъ*: *жалынжы* (жалованье), *жар кѣн* (жаркій день)³⁾. Поредъ русскими словами, начинающимися съ двухъ или болѣе согласныхъ звуковъ, спереди приставляется краткій звукъ *ы* или *э*: *эскамея* (скамья), *ызнай* (употребляется только у крещ.—русское „знай“ безпрестанно: *ызпай акыра!* „знай орётъ, безпрестанно оретъ!“); иногда, на оборотъ, выбирается какой-нибудь слогъ русскаго многосложнаго слова: *саланый*,

¹⁾ У Татаръ-мухаммеданъ употребляется также арабское: *маглаомъ* итмакъ.

²⁾ Эти два слова, можетъ быть, взяты въ русск. языкъ изъ турецкаго языка: *судок* или *судакъ*—сѣ-дыкъ, *сѣдукъ*, *сѣлымъ* «водяникъ»?

³⁾ *Ж*, стоящее въ срединѣ русск. словъ, перешедшихъ въ тат. языкъ, обыкновенно произносится какъ въ русск. языкѣ: *нужа* (вм. *нужда*), *дружки* (вм. *дрожья*).

то-есть, косолапый (бранное слово, употребляемое только въ нѣкоторыхъ крещенскихъ мѣстностяхъ). Бываетъ иногда такъ, что русское слово измѣняется, очевидно — подѣ влияніемъ желанія указать для него въ татарскомъ языкѣ объясненіе его смысла (подобно тому, какъ и русскіе солдаты слово „Карсъ“ передѣляли въ „карцеръ“); такъ, напримѣръ, эчтауч (отъ русск.: „ставецъ“, небольшая чашка), очевидно, ставится въ связь съ глаголомъ эчмяк „пить“; жастун (отъ русск. сл. „заслонъ“, въ нѣкоторыхъ татарскихъ мѣстностяхъ — пичъ капкачы) ставится въ связь со словомъ жасты „плоскій“, чутла „считать на счетахъ“ — съ междом. чать-чотъ, которыми Татары выражаютъ звукъ счетовъ. Ср. пословицу: Сянтябрьдя сипь дя беръ мипь дя беръ, оригинальное толкованіе значенія слова сентябрь ¹⁾). Вываецъ и такъ, что слово, заимствованное Русскими изъ тюркскаго, съ измѣненіемъ, сообразнымъ съ законами фонетики русскаго языка, снова переходитъ въ татарскій языкъ со вторичнымъ измѣненіемъ, сообразнымъ уже съ законами фонетики татарскаго языка, еще болѣе искажившимъ первоначальный видъ слова. Такъ, названіе угла избы, находящагося у двери, куть, очевидно взято изъ тюркскаго языка (кутъ „задняя часть вещи, второстепенной конецъ вещи“); но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи задній уголъ называется Татарами китъ ²⁾). Туш (крещ. тат.) свиная туша изъ общетат. тушь „поверхность груди“: чака, или чакушка, изъ русскаго „чека“, которое въ свою очередь было сдѣлано, по всей вѣроятности, изъ тат. чигя.

Крещенные Татары Казанской губерніи даже еще легче, чѣмъ Татары-мухаммедане, заимствуютъ въ свой языкъ русскія слова, потому что послѣдніе, въ случаѣ неимѣнія въ татарскомъ языкѣ средствъ для выраженія новыхъ понятій, часто заимствуютъ слова изъ языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго, тогда какъ первые довольствуются русскимъ. Особенно любятъ шеголять предъ своими сородичами русскими словами, пословицами и поговорками крещенные Та-

¹⁾ Впрочемъ, указанныя правила измѣненія русскихъ словъ, переходящихъ въ татарскій языкъ, не имѣютъ безусловнаго значенія. Татары, какъ и Русскіе, могутъ заимствовать слова изъ чужаго языка безъ всякаго фонетическаго искаженія этихъ словъ, или же только съ самымъ незначительнымъ искаженіемъ: все дѣло зависитъ тутъ отъ развитія органовъ рѣчи и слуха, которое дается упражненіемъ въ разговорѣ на чужомъ языкѣ, и вообще отъ степени умственнаго развитія субъекта, заимствующаго въ свою родную рѣчь слова изъ чужаго языка.

²⁾ Въ настоящее время большинство Татаръ называетъ задній уголъ, куть, сложнымъ именемъ пшек-тѣбб-почмак.

тары, прожившіе въ некоторое время въ тѣсномъ сообществѣ съ Русскими, напримѣръ, въ бурлацкой, плотничьей или же заводской артели ¹⁾).

Появленіемъ въ татарскомъ языкѣ относительныхъ мѣстоименій и союзовъ татарскій языкъ обязанъ, можетъ быть, въ большей степени вліянію русскаго языка, чѣмъ вліянію языковъ персидскаго, арабскаго, турецкаго и джагатайскаго ²⁾; точно также и татарскій казанскій говоръ (собственно города Казани) своею фонетическою мягкостью сравнительно съ говорами другихъ окрестныхъ мѣстностей, населенныхъ Татарами,—этимъ общепризнаннымъ за нимъ преимуществомъ обязанъ также вліянію русскаго языка.

Самый поразительный фактъ, указывающій на вліяніе русскаго языка на татарскій въ фонетическомъ отношеніи, представляетъ собою переходъ въ говорахъ нѣкоторыхъ мещеряцкихъ мѣстностей, особенно у Мещеряковъ-Тюмянъ ³⁾, тюркскихъ глубоко-гортанныхъ звуковъ *к* и *г* ⁴⁾ въ русскіе поверхностно-гортанные звуки *ж* и *з*. По

¹⁾ Мнѣ довелось слышать, какъ одинъ изъ такихъ знатоковъ русскаго языка передавалъ своимъ сородичамъ известную русскую поговорку такимъ образомъ: «Валлея за дѣшъ, тагъ будъ гошъ». Крещеные Татары Мензелинскаго и Елабужскаго уѣздовъ болѣе обрусѣли, чѣмъ крещеные Татары уѣздовъ Мамадышскаго, Лаишевскаго и Чистопольскаго. Ногайбаки-казани уже съ дѣтства отцами приучаются къ русскому языку, а на службѣ овлаживаютъ имъ до замѣчательнаго совершенства.

²⁾ Приводимъ здѣсь мѣстоименія и союзы, образованные въ татарскомъ языкѣ, очевидно, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ русскаго языка: 1) для выраженія кто—тотъ употребляется *кемь—шуль*, *кайсы кемь—шуль*; 2) всякъ кто—тотъ: *аьр беръ* (кеше), *кайсы—шуль*; *аьр кайсы—шуль*; 3) когда—тогда, *качанъ—шуль чакта*; 4) гдѣ—тамъ, *кайда—шунда*; 5) шумныи дѣлѣи и амыи дѣлѣи, постоуи; 6) ничекъ—шулай и ничекъ ул, въ косъ. над. *ничекъ итла ул, амысыи белъмиши*; 7) *кайем уакытта була* «иногда бываетъ». Здѣсь *кайсы* въ значеніи неопределеннаго мѣстоименія *какойто*. У осинскихъ Башкиръ выраженіе *аьр кайсы—кемь* и т. п. не употребляются. Сочетанія подъ номеромъ первымъ у татарскаго простонародья употребляются рѣдко, но довольно часто у Мещеряковъ; за то всѣ прочія сочетанія весьма обычны у всѣхъ Татаръ. Замѣчательна также разстановка словъ въ слѣдующей поговоркѣ, сдѣланная по русскому образцу для рифмы: «Чабата жасау тѣгѣль онгаръ, амы сатыбъ алганъ кеше дя бѣлѣр».

³⁾ Такъ называются въ Белебеевскомъ уѣздѣ Мещеряки, переселившіеся въ Белебеевскій уѣздъ изъ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи.

⁴⁾ Глубоко-гортанно произносятся въ тюркскихъ языкахъ звуки *к* и *г*; только въ тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ дебелый характеръ, а въ словахъ съ тонкимъ характеромъ гласныхъ эти звуки произносятся также, или почти также, какъ и въ русскомъ языкѣ.

общему мѣннiю Татарь-Башкирцевъ и самихъ Тюмяней, это произошло вслѣдствіе постоянныхъ сношеній Тюмяней съ Русскими ¹⁾. Это звуковое измѣненіе повлекло за собою другое—именно смягченіе гласныхъ, слѣдующихъ за поверхностно-гортанными звуками *к* и *з*, замѣнившими глубоко-гортанные звуки *к* и *з*.

Другой случай того же рода, который можно, точно также какъ и предыдущій, считать за слѣдствіе вліянія русскаго языка, потому что и онъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ встрѣчается также у Мещеряковъ-Тюмяней,—это переходъ другого, точно такого же характернаго тюркскаго звука (по отношенію къ теперешнему русскому языку и языкамъ финскимъ), именно носоваго *н* (сагыр нун или самрау кяп). Самрау кяп стало исчезать еще въ древнемъ тюркскомъ языкѣ: въ „Запискахъ Вабера“ оно не пишется уже въ окончаніи исходнаго падежа (дан, дән), но оно несомнѣнно существовало здѣсь, въ древне-джагатайскомъ языкѣ, потому что существуетъ теперь въ нѣкоторыхъ изъ сибирскихъ тюркскихъ нарѣчій ²⁾. Въ настоящее время въ татарскомъ языкѣ слова употребляются безразлично, или съ чистымъ сагыръ-нуномъ передъ гласною, напримѣръ, динезь, ломгордок, кымыр (комор), мыырашу, жамыр жамыги (малоупотреб.) (жамгыги общеупотр.), жамыдыги (белеб. Башк.), мима, сима, амар (амарга), жамышмак (малоупотр.), (жамгышмак общеуп.); или же произношеніе сагыръ-нуна облегчается тѣмъ, что послѣ него ставится согласный звукъ *г*, напримѣръ, дингезь, ломгордок, кымыр, жамгыги, жамгышмак (у Мещер. минга, синга, ангар, или ангарга); или же сагыръ-нун переходитъ въ простое нун: слова въ родѣ айлангеч, куркынгыч, образовавшіяся, очевидно, прибавленіемъ къ основѣ возвратнаго залога глаголовъ гыч или геч, произносятся почти безразлично всѣми Татарами и Башкирами какъ айлангеч куркынгыч, айлангеч, куркынгыч, рѣже — какъ айлангеч, куркынгыч и айлангеч, куркынгыч; или сагыръ-нун разлагается на простыя *н* и *з*: такъ Мещеряки вмѣсто минга, синга, или мима, сима, амар, жана „новый“, жана „горить“ и т. п., говорятъ просто: минга, синга, ангар, жанга; или же сагыръ-нун превращается въ одно нун; такъ

¹⁾ Впрочемъ, этотъ фактъ могъ бы быть объясняемъ иначе, именно могъ бы считаться указаніемъ на явное происхожденіе Мещеряковъ, которое однако совершенно забыто самими Мещеряками.

²⁾ У Шорцевъ, у Сагайцевъ на верхнемъ Абаканѣ и у другихъ. У оренбургскихъ Башкиръ говорится бы „берлога“, тогда какъ у другихъ Башкиръ, у Татаръ и Мещеряковъ это слово произносится бы.

тѣ же Мещеряки говорятъ просто: мина, сына, анар, жана ¹⁾; или же смягченіе сагыръ-нуна происходитъ посредствомъ перемѣны его въ м или въ л, даже въ н: комгыр, чаще — комыр и коморъ (Цив. у.); комсов (общеупотр.), комсовъ (Ма.) и даже котсов; чомгол (Мам.), чумгыл (Чист.); жамгыз (общеуп.) и жалгыз (книжн.); жангыр (тат.), жамгыр (башк.); или выпускается н: напрымѣръ, вм. турецк. кырг. и алт. мнз (энес), прит. суфф. 2-го л. мн. числа, въ каз. татарскомъ простонародномъ — какъ мухаммеданскомъ, такъ и крещенскомъ — нарѣчіи говорятся ыгыз (эгез) ²⁾; или посредствомъ выбрасыванія всего сагыръ-нуна, то-есть, какъ н, такъ и л, какъ это произошло въ нѣкоторыхъ изъ нарѣчій сибирскихъ Татаръ и въ алтайскихъ нарѣчіяхъ какъ напрымѣръ, саа, маа (или же одно долгое а) и въ причастномъ окончаніи на ан, ен глаголовъ, корень которыхъ имѣетъ примѣтой а и ѣ (э): аан, еен (им. аган и эген); или превращеніемъ санграу-кып въ простое нуи посредствомъ перестановки слоговъ, какъ напрымѣръ, Татары говорятъ и кыныр, и кырыи ³⁾.

Къ признакамъ вліанія русскаго языка на мещерацкій можно отнести и то, что въ этомъ послѣднемъ тюркскій глубоко-гортанный придыхательный звукъ х еще менѣе употребителенъ, чѣмъ въ простонародномъ татарскомъ языкѣ.

И въ лексическомъ отношеніи мещерацкое нарѣчіе подверглось сильному вліанію русскаго языка: особенно это можно сказать о крещеныхъ Мещерякахъ Цивильскаго уѣзда и вообще о Мещерякахъ нагорнаго берега Волги въ предѣлахъ Казанской губерніи. У этихъ послѣднихъ гораздо болѣе русскихъ словъ, чѣмъ у Татаръ луговой стороны Волги, напрымѣръ: бидра (р. ведро), у Татаръ чиликъ; нюграбъ (р. погребъ), у Татаръ баз.; начилка (р. носилки) у Татаръ лачинка; келинча (р. клещи, дѣрѣва комута), у Татаръ камыт бѣлтэ или камыт агачы; кунмьл (р. кошель, кора молодой липы, снятая цѣликомъ, въ видѣ трубки), у Татаръ лыбы; гелинжа (р. стеклянка), у Татаръ шинѣ; ботмол (р. подполье), у Татаръ идянь асмы; миллекъ (р. банный вѣшникъ, банникъ), у Татаръ мунча сиберкесе. Особенное тюркское назва-

¹⁾ Крещеные Татары и Мещеряки сагыръ-нуна означеніи родительнаго надежа ныи (нен), произносимый точно у Татаръ-мухаммеданъ, превратили въ простой нуа: муныи, муларныи, ан. муныи, муларныи.

²⁾ Ср. нагур алтайскихъ Комагондэвъ ан. татарскаго жангыр или жаныр.

³⁾ Киргизское саганъ, аган (им. сакъ, мина) слѣдуетъ, конечно, отнести къ этому послѣднему роду означеній сагыръ-нуна.

ніе головного мозга, мій (или мей), отличное отъ названія костнаго мозга, жилекъ, Цивильцами забыто: первый называется, какъ по русски, одинаково съ послѣднимъ — жилекъ. Многіе предметы, имѣющіе въ тюркскихъ языкахъ свои особыя, спеціальныя названія, у Цивильцевъ получили описательныя названія, такъ: у Татаръ тумѣм или тубѣ такта, у Цив. матча (р. матица) ¹⁾; кигей у Тат., жѳгѳртма тѣшѳ у Цив.; чяшѳ, шяшѳ у Тат., или (у Башк. Уф. г.) чайше, у Цив. (какъ и у Уф. Башк.) басиргыч.; абзар или азбар у Тат., киртя у Цив.; идянь у Тат., аяг-асты у Цив. ²⁾. Нѣкоторыя слова имѣютъ у цивильскихъ Мещеряковъ нѣсколько другое значеніе, чѣмъ у другихъ Татаръ, такъ: жасты цив. = вин или кѣм „широкій“ у Татаръ и Башкиръ ³⁾; жамак цив. = иик или эяк „подбородокъ“ у Тат. ⁴⁾; тягармячъ букяне у Тат., кубчакъ у Цивильцевъ.

Не слѣдуетъ ли приписать вліянію русскаго языка и тотъ фактъ, что татарское простонародье произноситъ тюркскій йоть болѣе или менѣе близко къ русскому *ж*, какъ мягкое *дж* — тогда какъ Башкиры вообще менѣе, чѣмъ Татары, подвергшіеся вліянію Русскихъ, произносятъ йоть мягко? Ученые Татары стараются произносить йоть мягко въ подражанія турецкому произношенію.

Вліяніе финскихъ языковъ — вотяцкаго, черемисскаго, мордовскаго и пр. на татарскій можно считать ничтожнымъ, не смотря на то, что сношенія Татаръ съ Финнами даже еще болѣе многосторонни и тѣсны, чѣмъ сношенія съ Русскими, и какъ между Татарами нерѣдко можно встрѣтить лицъ, владѣющихъ однимъ или даже двумя финскими языками, такъ и между Финнами нерѣдко можно встрѣтить говорящихъ на татарскомъ языкѣ; правильнѣе слѣдовало бы даже сказать, что между совершеннолѣтними Финнами, особенно мужчинами, живущими смѣшанно съ Татарами, рѣдко можно встрѣтить человека, не владѣющаго свободно татарскимъ языкомъ, тогда какъ знаніе финскихъ языковъ у Татаръ менѣе распространено. Въ разсужденіи о взаимномъ вліяніи тюркскихъ и финскихъ языковъ мо-

¹⁾ Слово матча у Татаръ называется матица.

²⁾ Идянь асты у Тат. и Башк. называется вообще мѣсто подъ ногами.

³⁾ Жасты у Тат. и Башк. значить: «плоскій».

⁴⁾ Жамак или жамгакъ у Тат. означаетъ бока нижней скулы. — Точно такое же, какое у Цивильцевъ, имѣетъ значеніе жамакъ и у осинскихъ Башкиръ. У осинскихъ Башкиръ и у цивильскихъ Мещеряковъ есть сходство и въ названіяхъ дней недѣли: какъ у первыхъ, такъ и у послѣднихъ, среда называется: ияя кѳпѳ (ср. чувашское йон-гой) «день крови».

жетъ быть рѣчь только о вліяніи фонетическомъ и отчасти лексическомъ. Мы говоримъ отчасти, потому что и тѣ слова, которыя въ турецкихъ и финскихъ языкахъ различны, часто сходны между собою въ отношеніи развитія значеній; что же касается синтаксиса и значенія приставокъ и окончаній, то какъ первый, такъ и послѣднее, тоже-ственны въ турецкихъ и финскихъ языкахъ. Вліяніе финскихъ языковъ на татарскій въ лексическомъ отношеніи не можетъ имѣть мѣста, потому что Татары стоятъ на болѣе высокой степени умственнаго развитія, чѣмъ Вотяки и Черемисы; поэтому мы и видимъ, напримѣръ, что если среди Татаръ и есть много знатоковъ вотяцкаго и черемискаго языковъ, то въ татарскомъ языкѣ словъ, взятыхъ изъ вотяцкаго и черемискаго, почти не встрѣчается, тогда какъ, напримѣръ, въ языкѣ Вотяковъ Казанской губерніи въ настоящее время уже цѣлая треть лексики имѣетъ чисто татарское происхожденіе. Впрочемъ, вліяніе Татаръ на Финновъ въ отношеніи языка, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, не есть фактъ всеобщій: татарское мухаммеданское населеніе, живущее среди Вотяковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи и во всѣхъ отношеніяхъ стоящее на низшей степени развитія, чѣмъ послѣднее, подчинилось въ отношеніи языка, въ экономическомъ и умственномъ, религіозномъ и бытовомъ отношеніяхъ сильному вліянію Вотяковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ татарскихъ мухаммеданскихъ деревень даже женщины вполне перемѣнили татарскую одежду на вотяцкую; вотяцкій языкъ сталъ въ этихъ деревняхъ языкомъ семьи. Въ Глазовскомъ же уѣздѣ встрѣчается интересный по своей рѣдкости, а можетъ быть и исключительности, фактъ полнѣйшей финнизации довольно многочисленной и живущей въ довольно сплошной массѣ части татарскаго населенія: мы говоримъ о такъ-называемыхъ Бесермянахъ Глазовскаго уѣзда.

Казанскіе Татары весьма вѣрно выражаютъ подмѣченный ими самими фактъ вліянія на нихъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ; Татары дѣлятъ обитаемыя ими мѣстности, ставя исходнымъ и объединительнымъ пунктомъ г. Казань, такимъ образомъ: 1) мѣстность, простирающаяся къ сѣверу отъ Казани, носитъ слѣдующія названія, по дорогамъ, тамъ проходящимъ: Ногай жулы, Жбрей жулы, Арча жулы (на Арскѣ) и Алат жулы; отличительный внѣшній признакъ Татаръ этой стороны указывается преобладаніемъ въ одеждѣ бѣлаго цвѣта, который можетъ считаться національнымъ цвѣтомъ финскихъ инородцевъ восточной полосы Россіи; 2) Галич-жулы, дорога на г. Галичъ (Костромской губерніи), идущая изъ Казани черезъ пороховой

заводъ, находящійся за Адмиралтейскою слободою г. Казани; это— мѣстность къ сѣверо-западу отъ Казани; 3) Тау-жулы, нагорная сторона Волги. Въ верхней одеждѣ жителей этихъ двухъ сторонъ преобладаютъ черный, темносѣрый и сѣрый (кубовая краска) цвѣта, преобладающіе въ одеждѣ и русскаго населенія того края; въ языкѣ Татаръ этихъ послѣднихъ двухъ мѣстностей проникло гораздо болѣе русскихъ словъ, чѣмъ въ языкѣ Татаръ первой мѣстности. Нагорная сторона Волги можетъ считаться отчасти мещеряцкою.

Существуетъ также разница въ языкѣ различныхъ селеній въ предѣлахъ каждаго изъ вышеупомянутыхъ районовъ: такъ напримѣръ, въ предѣлахъ сѣвернаго района есть разница между говорами лайшевскимъ, мамадышскимъ и елабужскимъ ¹⁾; но разница эта не превышаетъ той, какая существуетъ между говорами близко родственной части великорусскаго населенія (напримѣръ, Вятчанъ), населяющей различныя уѣзды одной и той же губерніи и не находящейся въ очень тѣсныхъ взаимныхъ сношеніяхъ. Разница эта существуетъ главнымъ образомъ въ лексической части языка. Для примѣра представляемъ нѣсколько словъ, исключительно или преимущественно свойственныхъ говорамъ мамадышскому, лайшевскому, мензелинскому и чистопольскому.

Слова мамадышкаго говора: ат дунгызы, „навозный жукъ“, въ др. мѣстностяхъ чаще кумыз (белеб. кондоз, стерл. кондоз „морской котикъ“); анк, въ др. мѣстн. әзеръ „готовъ“; сагакъ „челнокъ“, въ др. мѣстн. суса; назым-наб суйля, въ др. мѣстн. мясяль китеребъ суйли „говорить притчами, сравненіями“; жирь чикисе „земляныя орѣхи“, въ др. мѣстн. жирь чикляуге; тимерь кибите „кузница“, въ др. мѣстн. тимерче кляте или тимерче алачыгы; жапсар „пласть сѣна, количество сѣна, которое можно заразъ захватить вилами“ (беръ сяняклекъ ййомъ пчѣнь, жапсар кеше у бел. „человѣкъ, любящій сваливать свою вину на другого“); кырынды „чищоба въ лѣсу“, въ др. мѣстн. тѣплѣганъ жирь, ншпа; киндеръ сѣяге (также и въ елаб.), въ др. мѣстн. талкенш; жасмак; въ др. мѣстн. уйсу жирь; агач кибяге и пычкасты (вм. пычки асты) „опилки“, лайш. агач кѣрпясе (кромѣ всѣхъ этихъ назв. въ др. мѣстн.

¹⁾ Само собою разумѣется, что названія говоровъ: *лайшевскій, мамадышскій, елабужскій* и т. п., и названія нарѣчій: *казанское, уфимское* и т. п. не вполне точно. Границы говоровъ и нарѣчій не совпадаютъ съ границами уѣздовъ и губерній; но показать точно, а не приблизительно только, эти границы въ настоящее время не возможно.

употребляются также: пычки чубе и пычконо, то-есть, пычки оно); черекъ боз „иструпѣвшій ледъ“, въ др. мѣстн. кубшакъ боз или кубшаклѣнгѣнъ боз; созгоч, „недотка, небольшой холщевый рыболовный бредень (сбѣгч въ др. мѣстн. „ситце, цѣдилка“; чикъ „просѣка въ лѣсу“, ланш. просѣк; чана лягы, у др. чана тырнагы, у ланш. чана теше; шалкан оясы, у ланш. ълькѣтъ.

Слова говора ланшевскаго: мумагламакъ, у др. миуламакъ; марака „ракъ“; иракъ жул, у др. жырак жул; клин (русск. клинъ), въ др. мѣстн. жаньк-урман; чиллямакъ „парить“ (о жарк. днѣ).

Слова, принадлежащія мензелинскому говору: казынды „выбюва, нырокъ“ (на дорогѣ), въ др. мѣстн. сикертмя; котан „тощая лошадь“; жаман кутыр, въ др. мѣстн. чакма кутыр; оло кода, въ др. мѣстн. аргыш „друзка, отвозящій имѣнье невѣсты въ домъ жениха“; то-мажан; табыр (также и чист.) „поимный лугъ“; рака, „ракъ“.

Слова, принадлежащія чистонопольскому говору: кинним, въ др. мѣстн. кѣндій „маленькая чашка“; калтак „дождевикъ“, перен. зн. „бездѣльникъ“; кабий „обманщикъ“, кайырма „недотка“; мазана „минареть“, въ др. мѣстн. манара.

Для нѣкоторыхъ предметовъ существуетъ почти въ каждомъ уѣздѣ особое названіе; напримѣръ, цилиндрическая коробка, сдѣланная изъ коры, цѣликомъ снятой съ молодой липы, въ Ланш. у. называется пишичерь (р. пестерь), въ Казанск. у. зубуна или цѣрѣтѣнъ, въ Нижегородск. губ. кушиль; въ Уф. г. чаще кушиль; завитое перо въ хвостѣ селезня называется въ Мамад. у. бѣтѣрка, въ Ланш. гѣдѣря, въ Чистоп. кикрекъ (кикрекъ у Татаръ др. мѣстн. „подбородокъ иѣтуха“); кузнечный мѣхъ въ Мамад. у. кулюк, въ Ланш. у. курек, въ Чист. у. оргоч (см. бргѣч); ракъ (животное) въ Каз. и Мамад. у. кыскач и кычкач, въ Уф. и Ор. губ. кысла, въ Ланш. у. марака, въ Менз. у. рака.

Есть не мало и такихъ словъ, которыя произносятся въ каждомъ изъ указанныхъ районовъ и даже въ различныхъ мѣстностяхъ одного и того же района различно. Такъ какъ собранный нами матеріалъ изъ такихъ словъ не дозволяетъ по своему количеству сдѣлать опредѣленныя заключенія о характеристическихъ въ этомъ отношеніи чертахъ говоровъ татарскаго языка, существующихъ въ предѣлахъ одного и того же района, — то мы и предпочли распредѣленію такихъ словъ по различнымъ мѣстностямъ группировку ихъ по сходнымъ фонетическимъ признакамъ, чтобъ изъ такой группировки можно было усмотрѣть хотя какіе-нибудь слѣды законовъ измѣненія звуковъ вообще въ татарскомъ языкѣ, которымъ говорятъ Татары,

живущіе на лѣвомъ берегу Волги въ предѣлахъ Казанской губерніи и по обоимъ берегамъ низовьевъ Камы въ Елабужскомъ, Мензелинскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ.

Изъ фонетическихъ измѣненій встрѣчается чаще всего замѣна одного звука другимъ, совершающаяся безъ отношенія (по крайней мѣрѣ безъ отношенія яснаго) къ другимъ звукамъ слова, затѣмъ— ассимиляція звуковъ (замѣна звука вслѣдствіе вліянія другого звука въ словѣ), превращеніе тонкихъ звуковъ слова въ дебелые, и наоборотъ, опущеніе или же прибавка звуковъ.

Изъ звуковъ гласныхъ чаще всего *a* замѣняется посредствомъ *ы*. Древне-тюрское *a* (*ä*) въ глагольныхъ примѣтахъ и суффиксахъ, сохраняющееся въ башк. языкѣ, въ настоящее время въ каз. тат. нарѣчій тамъ, гдѣ оно стоитъ передъ *й*,—какъ въ мухаммеданскомъ, такъ и въ крещенскомъ, уже неупотребительно и произносится какъ *ы* (*u* или *ə*). Точно также, какъ въ срединѣ, такъ и въ началѣ корней, въ каз. тат. нарѣчій очень часто употребляется *ы* (*u*, *ə*) вм. *a* (*ä*): такъ, напримѣръ, одни говорятъ: чѣлтра, другіе чылтра „бренчать“; одни говорятъ: чумар, другіе: чумыр, „хлебать, вообще зачерпывать жидкость какимы-нибудь сосудомъ“, кѣмъ и кимъ, кѣмет и киметь, кѣмсетъ и кимсетъ, кѣтмѣнъ; китмѣнъ и кейертмѣнъ, „кирка“; тярязя и тирязя, тинтякъ и тинтекъ, нѣчѣ, пичѣ и нійчѣ, жѣмкѣ, ямкѣ (русск. жимки, снимки, стѣмны) Въ настоящее время переходъ *a* въ *ы* въ говорахъ каз. тат. нарѣчій не совершился еще вполне, такъ что, напримѣръ, у крещенцевъ Мамадышскаго уѣзда татарское названіе орѣховой шелухи сдѣлалось шибболетомъ, которымъ отличается старое поколѣніе отъ молодаго: первое говоритъ кѣшѣнге, а послѣднее—кишѣнке. Въ татарскомъ языкѣ для усиленія обозначенія качества или же дѣйствія (особенно въ словахъ, означающихъ звукъ и движеніе) бываетъ такъ, что или къ обыкновенно употребляемому слову прибавляется другое слово, созвучное съ нимъ и подходящее къ нему по значенію, напримѣръ: саут саба „посуда, иѣхъ для кумыса“, бала-чага (вм. алт. бала-чак „дѣти, мелочь“), кыз-кымыз „дѣвѣѣ“, собств. „дѣвки-кумысы“ (сравни русск. „дѣвка— кровь съ молокомъ“); или же слово повторяется, но уже въ измѣненномъ видѣ; измѣненіе состоитъ обыкновенно въ переходѣ *a* въ *ы*, *ä* въ *ö* или въ *u*; при этомъ часто измѣняется также одна или нѣсколько согласныхъ, или же дебелые звуки переходятъ въ тонкіе, такъ напримѣръ: шыгыр-жыгыр—звукъ, происходящій при треніи желѣза о желѣзо, жалтыр-жылтыр тора, говорится о блескѣ, напримѣръ, позумента; жалык-жылык тора „блестить“

(солнце) и „нелькаоть“ (тѣнь); кабы-тѣбель эпилій „съ суетливостью работаетъ“; тяжаль-тѣждь жброй „торопливо ходитъ“; амык-мынык или аштерь-бштерь эпилій „съ торопливостью работаетъ“; жамгыжарым „однѣ-однихонекъ“; каты-кото „засохшіе куски хлѣба“; агач-богач „деревья всевозможныхъ сортовъ и качества“ (и кривыл: богач намекаеть на искривленность, бѣкнѣкъ „гнуть“).

У и о также переходятъ (хотя, сравнительно, очень рѣдко) въ и, напримѣръ: жамбуз (ланш.) и жамбыз (мам.), жастун и жастын „заслон“, толон и тылым, кумыз и кондоз, чомол и чумгыл.

Изъ звуковъ согласныхъ чаще всего замѣняются одинъ другимъ плавные звуки.

Л замѣняется посредствомъ ж: тилътакъ, тилътекъ, тилътакъ и тилътекъ „дуракъ“; жѣрликъ и жѣрникъ „жрликъ“; лѣкъсь и нѣкъсь (перс.) „лѣвивый“; уакчын и уакчын (банк., ос. уаксу), „попрошайка мелочными вещами“.

Н замѣняется въ л: озонсыман (общеупотреб.), озонсымал (мам.), озонсымак (чистоп).

Л переимѣняется въ ж: лабе и тѣбѣ „ловушка для мышей“, бѣр-мѣчкей (чистоп.) и бѣрнѣчкей (мам.) „верба, освященная въ Лазареву воскресенье“; хѣттѣнь-тыш км. халдѣнь тыш „смыслъ сдѣлать, чрезвѣрно“.

Р замѣняется посредствомъ л: бойорокъ и бойолокъ „заповѣдь“. курекъ (ланш.) и кулюкъ (мам.) „раздувательный мѣхъ“, сѣлѣлка и сѣлярка „любовница женатаго или любовникъ замужней“.

Н замѣняется посредствомъ р: шаян „шалунъ“, шаармак „шалить“.

Н и ж переходить въ ж: кичка-корон и кичка-кором „къ вечеру“, чомгол (мам.) и чумгыл (чист.), консоз (мам.) и комсоз (менз.).

М переходить въ б: гульмѣч и гульбѣч, кыммат, кыммат и кымбат.

О переходѣ гортаннаго х въ к было говорено выше. Нерѣдко въ к переходить также і: кишянге и кишянке чигерь (чистоп.) и чикерь (мамад.), мяшягять и мяшявять, шабагат, шѣфкять и шѣпкять и пр.

Г переходить въ й; такъ, напримѣръ, говорятъ: шыгырчык и сыйгырчык (пронзн. смирчык) „скворецъ“.

К превращается въ у (у) особенно часто въ концѣ словъ; такъ, напримѣръ, говорятъ: кыйну и кыйнк „опушка одежды“; тѣзѣу и тѣзѣкъ (см. тѣзѣкъ) „исправный“, кукурѣкъ „грудь“; эй кукуринь! (Мам. у. км.: эй кукурагем!) „моя грудь, мое дитято!“—ласкат. слова; бууу

„краска“, буяк кульмакъ „рубаха, окрашенная въ черную или же въ синюю краску“.

К превращается въ *т*: калпакъ, кляпушь и тѣлпакъ „колпакъ“; ут кабыз и тамыз „вздувать огонь“; кабыл тибель эшля, такылдат и татылдат „лепетать“; келямякъ и телмякъ „желать“; келянче и телнче, „просящій, нищій, попрошайка“.

На оборотъ, *т* переходитъ въ *к*: тѣпѣген (у мух.), кепѣгенъ (у крещ.).

Столь же многочисленны случаи перехода свистящихъ и шипящихъ звуковъ однихъ въ другіе, какъ и случаи перехода плавныхъ звуковъ.

Примѣры замѣны другъ другомъ *с*, *ш* и *ч*: пылырчык и сыпырчык „скворецъ“, сиртмя, ширтмя и чиртмя „колодезный журавль“; кѣйшѣ и кѣйсѣ „жевать“; салаш, у Русскихъ шалашъ; кыскач и кычкач „ракъ“; лякѣч и лякѣсь „лѣнявый“; чѣчъ и сѣчъ „волосы“; сыпта и чыпта „рогожа“; чыжла и шыжла „шипѣть“ (о кален. желѣзѣ); чаршау и шаршау „занавѣсъ“; чугебъ, чугѣлябъ, шугебъ шугѣлябъ утырмак „сидѣть на курорткахъ“; лячлямя и лишмя „сыроватый хлѣбъ“.

Иногда вышеозначенные свистящія звуки замѣняются посредствомъ *т*: чарыс и (рѣдко) тарыс „уросливый“ (о лошади); чѣшлѣ и тѣшлѣ чышмакъ и (рѣдко) тишмакъ „развязать“; сѣслѣганъ и тѣслѣганъ „весеній сокъ березы“.

Слово чѣшлѣ „кодачигъ“ претерпѣваетъ почти всѣ только что указанныя измѣненія: чѣшлѣ и тѣчлѣ (мамад.), тѣслѣ (чистоп.), сѣслѣ и шѣшлѣ (лаиш.-тат., уф. и ор.-башк.). Тѣ же формы имѣетъ и тѣчлѣганъ „весеній сокъ березы“; тѣчлѣганъ, тѣслѣганъ, тѣсѣганъ, чѣчлѣганъ, чѣчѣганъ шѣшлѣганъ, шѣшѣганъ, сѣслѣганъ и сѣсѣганъ (последнее чаще у башк.). Ср. также: чышмакъ и шышмакъ (мам.), тишмакъ (чист.) „продыравливать“; сикертѣя (мам.), сикертчѣ (лаиш.) и чикертѣя (чистоп.) „кузнечикъ“.

Р иногда переходитъ въ *с*: кѣпѣрлянмякъ и кѣпѣрсянмякъ „ходить сильно выпячивая впередъ грудь“; Жирбить (общетат.), Висбить (менз.)—г. Ирбить.

Ш переходитъ въ *ж*: мишан „мѣщанинъ“, въ менз. гов. мижан.

Ж переходитъ въ *з*: киже и кизе „дostaль“ (хлопчато-бумажная пряжа, окрашенная въ красный цвѣтъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Цивильскомъ уѣздѣ, йотъ по общему правилу произносится какъ *з*.

З переходитъ въ менз. говорѣ въ *д*, а *д* на оборотъ въ *с*: жоворок и жодорок, миндѣля и минзѣля.

О переходѣ *ф* и *б* въ *н* мы имѣли случай говорить выше; приведемъ еще нѣсколько примѣровъ такого перехода: шабагат, шѣфкѣть и шѣпкѣть; жаба жѣрій (лаиш.) „неопратно ходитъ“; жапа и шабага жорій (мам.); белчрѣкъ и пчрѣкъ.

Объ ассимиляціи звуковъ *л* и *д*, стоящихъ во флексіяхъ, допускаемой преимущественно въ крещено-татарскомъ говорѣ, мы точно также говорили уже выше. Ассимиляція корней словъ окончаніямъ очень рѣдка; въ примѣрѣ такой ассимиляціи можно указать на выраженіе: хѣтътянь-тыш (см. хѣльдьянь-тыш). Въ примѣрѣ ассимиляціи корней можно указать также: обто (лаиш.) и отто (чистоп.) „явь“ (рыба); жѣбь-керьмѣкъ и жикь-курьмѣкъ „получить отвращеніе къ чему-нибудь“ (первое слово въ рѣчи о птицѣ, второе—о человѣкѣ).

Перемѣна мягкихъ гласныхъ звуковъ на твердые и наоборотъ твердыхъ на мягкіе—очень обыкновенное явленіе въ татарскомъ казанскомъ нарѣчій: жатынкы и жетенке „сильно наклонившійся“ (напримѣръ о деревѣ); кырынды (мам.) и гердѣ (чистоп.) „чищоба въ тѣсу“; жанчыкы и женчекъ „кошелекъ для денегъ“; тумырка и тѣмѣрка; шѣфкѣть и шапкѣтъ; жыбыкы и жѣкъ „спай между двумя досками въ мебели, въ полу, въ заборѣ“ и проч. (ср. жарык „трещина“); белчрак и белчрѣкъ (также пчрѣкъ); куртла и кертля; машагат, мѣшѣгѣть и мѣшѣкѣть; мѣскѣръ и мѣскѣръ (лаиш.), маскара (мам.), ѣшкѣртмѣкъ и кашкартмакъ; жабыштырмакъ и жябештермѣкъ; буа и бѣа.

Примѣры перестановки: ѣндѣръ и ѣрдѣнѣ „полѣнница“; кымыр и кырын „наклонный“; манара и (менз.) мазана „минаретъ“.

Прибавка звука: астар и шастар „подкладка“; умырык и кумырык „выемка, ямка“; ѣшкѣртмѣкъ и кашкартмакъ, актармакъ и кутармакъ; чтауч, чтагач (див.) и эчтауч (болѣе употреб.) „ставецъ“; жаткак (мам. и менз.) и жатак (чистоп.) „болѣзненная наклонность къ спячкѣ“.

Прибавка *н*: мунчала и мучала „мочало“.

Опущеніе звука въ началѣ слова: умарта, у див. марта „улей“: очан (мам.) „дѣтская болѣзнь—раздутіе брюха“; тшау „пути“, у лаиш. шау.

Опущеніе звуковъ въ срединѣ слова. Опущеніе звука *й*: сыпа и сыпа „глядитъ рукой по одному направленію“; жушыкы и жушыкы „сыворотка“; ким^ъ (рѣже) и кин „широкій“¹⁾.

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ припомнить мещерацкое косы см. татарскаго кайсы и т. п.

Опущеніе *и*: кучергечъ и (чистоп.) кучерешъ; куркынгыч и куркынчы; айлянгечъ и айлянечь; межгельдя и межельдя „мѣшкать“; жегерля (жеерля неуп.), жерля и ирля „прасть“; жагат (жаат не употребительно и жат.).

Опущеніе *к*: чивертмякъ (чистоп.) и чиртмякъ (лаиш.) „цѣловать погтемъ“.

Опущеніе плавныхъ наиболѣе часто встрѣчается. Опущеніе *л*: килгънь и кийгънь вм. кильгънь „пришелъ“; буган вм. булган „сдѣлался“; буган (отъ гл. булмакъ „дѣлаться“), „весь, цѣльнй“; пчрѣкъ вм. блчрѣкъ; лѣшмѣъ вм. лѣчлямя „сыроватнй“ (о хлѣбѣ).

Опущеніе *н*: кѡнжѣля и кѡжѣля „шерстяной кузель“; манталамакъ, мантамакъ и маталамакъ „дѣлать кое-какъ, кропать“. Опущеніе *р*: мяркельдямакъ и мякердямакъ „пинаться“ (объ овцѣ).

Опущеніе *ш* и *с*: очсов (чаще), очос (мам. и каз.) „дешевнй“; жѣштѣшь и жѣшетъ „ровесникъ по дѣтамъ“.

Опущеніе *б*: жыбки и жекъ, „щель“.

II.

Укажемъ теперь вкратцѣ особенности тюркскихъ нарѣчій, ближайшихъ къ казанскому татарскому. Мы будемъ говорить объ этихъ нарѣчїяхъ въ порядкѣ степеней близости ихъ къ сему послѣднему.

Самое близкое къ нему есть нарѣчіе Тептарей. Какъ извѣстно, Тептари, подобно Бобылямъ, не отдѣльное племя, а только сословіе. Это сословіе образовалось изъ Татаръ, Чувашей, Вотяковъ и Мордвы, бѣжавшихъ прежде и послѣ введенія подушной переписи въ Башкирію изъ сосѣднихъ губерній. Тептари принадлежатъ къ двумъ вѣроисповѣданїямъ — языческому и мухаммеданскому. Перваго держится бѣольшая часть Тептарей изъ Черемисъ, Вотяковъ и Мордвы; эти Тептари ничѣмъ существенно не отличаются отъ Черемисъ, Вотяковъ и Мордвы, живущихъ въ другихъ мѣстностяхъ. Мухаммеданская часть Тептарей составилаь главнымъ образомъ изъ Татаръ; поэтому языкъ Тептарей-мухаммеданъ татарскій, но потерявшій нѣкоторое вліяніе башкирскаго и даже мещеряцкаго языка. Въ лексической части его имѣется только ничтожное количество признаковъ, по которымъ можно отличить Тептаря отъ обыкновеннаго Татарица, напримѣръ, вмѣсто тѡнягень, кича (тат.-мух.) и кенягень

(крещ.-тат.) Тештары говорятъ: кичягенъкъ; вм. тат. жильпуч Тештары говорятъ: тигънъ. Тяпей „нога“, въ другихъ нарѣчіяхъ какъ дѣтское слово, у Тештарей употребляется и взрослыми. Въ фонетическомъ отношеніи разица точно также незначительна: йотъ въ тештарскомъ нарѣчій произносится также, какъ и въ татарскомъ, отлично отъ башкирскаго произношенія, твердо; за то ай (ай) въ причастной формѣ не переходитъ въ мий (ий, ей), какъ это имѣетъ мѣсто въ тат. каз. нарѣчій, а произносится, какъ и въ башкирскомъ, напримѣръ, какъ ай (ай). Въ произношеніи долгаго а Тештары приближаются къ Менцеракамъ: вм. каршй, качан, жока, говорятъ: корай, къчан, жоко (въ посл. словѣ что-то среднее между жока и жоко) ¹⁾.

Нарѣчіе Башкиръ Мензелинскаго и Бирскаго уѣздовъ отличается главнымъ образомъ замѣной татарскаго звука з посредствомъ д, и, на оборотъ, замѣной звука д посредствомъ з: идънъ, идель, ѡдебъ у Татаръ, иванъ, ивель, ѡzebъ у менз. и бирск. Башкиръ; вм. тат. Минзъля у Башк. менз. и бирск.—Миндъля.

Въ Пермской губерніи татарское населеніе преобладаетъ надъ башкирскимъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ; въ Красноуфимскомъ уѣздѣ башкирское и татарское населеніе почти равны другъ другу по количеству; въ Осинскомъ Башкиры значительно преобладаютъ и такимъ образомъ отдѣляютъ татарское населеніе Пермской губерніи отъ сил. наго непосредственнаго вліянія татарскаго населенія Казанскаго губерніи; по этой причинѣ въ Пермской губерніи изъ смѣшенія татарскаго и башкирскаго нарѣчій образовалось особое нарѣчіе, заключающее въ себѣ черты ихъ обоихъ. Главная особенность этого нарѣчія состоитъ въ склонности перемѣнять звуки а, о, у, э, ѡ, ѡ, тамъ, гдѣ эти звуки въ тат. каз. нарѣчій стоятъ въ началѣ словъ, въ ы и и: жыау ос. вм. жыау каз., нятъ ос. и кунг. вм. оят казанскаго; нанды кунг. вм. уанды тат. каз.; иакъ, иямне, ирлямакъ ос. и кунг. вм. ѡакъ, ѡамне, жерлямакъ и жегерлямакъ тат.-каз.; зметъ и эндъшмакъ „подавать голосъ, отзываться“ ос. и оренб. башк. вм. ѡмѡтъ, ѡндъшмакъ „приглашать“ тат. каз. Въ нѣкоторыхъ изъ словъ, начинающихся съ дифтонга ѡу, въ пермскомъ нарѣчій ы этого дифтонга слышится яснѣе, чѣмъ въ казанскомъ татарскомъ, напримѣръ, ѡу, „три“ (повел. н. глагола), ѡуак „мелкій“, но въ уаткан, уалган, уатикъ, уалчикъ, и др., также, какъ и въ каз. тат. нарѣчій ы не слышится. И въ

¹⁾ Другія мелочныя особенности нарѣчія Тештарей: жамъ, ѡчкель вм. татарскаго ѡамъ, ѡчкель.

среди́нѣ нѣкоторыхъ корней въ пермск. нарѣчїи каз. татарское *о* замѣняется посредствомъ *ы*: шымырыт (кунг. тат.) и чымырыт (ос. банк.) вм. каз.-тат. шоморт; тылым (ос. банк.) вм. каз.-тат. толон, шыбаган (кунг. т.) вм. тат.-каз. чубагач. Причастное окончаніе, о которомъ мы говорили выше, произносится въ пермск. нарѣчїи какъ *ий* (ій). Часто въ нарѣчїи пермск. Башк. произносится *у* тамъ, гдѣ въ каз.-тат. произносится *о*: *буыть* тат.-каз. *бѣать*, *уря* каз.-тат. *ѡйра*; *уланъ* каз.-тат. *оланъ*.

Представимъ еще нѣсколько словъ пермскаго нарѣчїя, имѣющихъ произношеніе отличное отъ произношенія въ каз.-тат. нарѣчїи: *ѡбенъ* (ос. и кунг.) вм. *ѡуенъ* каз.-тат.; *мѡрѡ* (ос. и кунг.) вм. *бѡрѡ* каз.-тат.; *эрекъ* (ос. и к.) вм. *эремчекъ* каз.-тат.; *эльмякъ* (кунг.) вм. *эльгѡкъ* каз.-тат.; *байна* (ос. и кунг.) вм. *бая*, *баягнакъ* и *баягна* каз.-тат. Количество словъ, въ которыхъ кунг. Татары, отличаясь отъ осинскихъ Башкиръ, въ то же время мало согласны съ каз. Татарами, не значительно. Для примѣра возьмемъ у ос. Башкиръ *кїям*, чымырыт, паяш, тегермень, чикмень у кунг. Тат., какъ и у казанскихъ: *кїм*, шымырыт (каз. шоморт), *баса*, тегермѡнъ и чикмѡнъ.

Всего замѣчательнѣе то, что у пермскихъ Татаръ и Башкиръ сохранились древнія тюркскія названія дней недѣли, забытыя уже какъ оренб., такъ и уфимск. Башкирами. Эти названія слѣдующія: *туган кѡнъ* „понед.“; *атланган кѡнъ* „вторн.“; *кан кѡнъ* „среда“; *коро кѡн* суббота (то-есть, сухой, пустой, безпутный день). Названія остальныхъ дней недѣли сходны съ названіями, употребляемыми у другихъ Татаръ: *кичъ атна* (у каз. Тат.-мух. *кичъ атна*, у каз. крещ. Тат. *кече атна*, у уф. Башк. *атна кичъ*); *жомга*, какъ у Тат.-мух., „пятница“; *урне атнасы* „воскресенье“ (у крещ. Тат. *атна кѡнъ*).³

За нарѣчїемъ пермскихъ Башкиръ и Татаръ слѣдуетъ, по степени близости къ татарскому казанскому нарѣчїю, нарѣчїе отатарившихся луговыхъ уфимскихъ Башкиръ. Общее отличіе нарѣчїя уф. Башкиръ отъ каз.-тат. нарѣчїя состоитъ въ томъ, что первое менѣе удалено отъ древне-татарскаго языка, чѣмъ послѣднее. Отличія теперешняго уфимскаго башкирскаго нарѣчїя отъ каз. татарскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Уф. и оренб. Башкиры произносятъ *йотъ* мягче, чѣмъ просто-народъ каз. Татаръ. Вслѣдствіе мягкости *йотъ* въ нар. уф. Башкиръ смягчаются и другіе звуки словъ, имѣющихъ *йотъ*; такъ уф. Башкиры говорятъ: *йакше йабештеръ*, *йан*, *йѡбѡлак* вм. *жакшы*, *жабыштыр*, *жан*, *жабалак*.

2. Въ уф. башк. нар. *а* и *я*, какъ въ причастномъ окончаніи (*ай* и *яй*), такъ и (большею частію) въ корняхъ словъ, не переходить въ *ы* (*и*, *э*): *кѣмь*, *кѣмѣ*, *кѣлмѣкь*, *начя*, *жугалган*, *угѣй*, *кѣбѣнь*, *сѣпкѣнь*, *картѣ* (ос. б.), *атай*, *атакай*, *біанай* (посл. 3 слова какъ и у Мещеряк.) уф. Башкиръ = *кимь*, *кимѣ*, *кильмѣкь* (у ор. Башк. также *кильмѣкь*), *ничя*; *жуйылган* (уп. также *жугалган* и *жуялган*), *угей*, *кѣбѣнь*, *чикмань*, *киртѣ*, *ѣтѣй*, *ѣтѣкай*, *біѣвѣй* (последнее *ѣ* есть звукъ средній между *ѣ* и *э*) каз. татарскаго нарѣчія¹⁾.

Въ случаяхъ утонченія *а* (*я*), это утонченіе ограничивается по большей части только первою степеню—*и* и не переходитъ во вторую степень, въ утонченіе *э*: уфимск. башк.: *ій* (Алла)! „о, Боже!“, *чіа* „вишня“, *чій* „сырой“, каз.-тат.: *эй* Алла! *чѣа*, *чѣй* и т. п.²⁾

3. Въ уфимско-башкирскомъ нарѣчіи, какъ и въ пермскомъ татарско-башкирскомъ, есть склонность къ замѣнѣ тат. *о* и *у* посредствомъ *ы*: *нѣт* (белеб., стерл., ор., пермск.) вмѣсто *оят* (татарско-казанск.); *нѣу*, *нѣнды*, (пермск. и отчасти уфимско-башк.).

4. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Стерлитамакскаго уѣзда, вслѣдствіе перехода тюркскаго *к* въ руское *к*, дебелия гласныя, стоящія въ прямомъ слогѣ послѣ *к*, утончаются: *кѣчан* вмѣсто *качан* и пр.

5. Тѣ слова, которыя въ казанскомъ татарскомъ нарѣчіи слились, ассимилировавшись другъ другу своими гласными звуками, въ нарѣчіи уфимскихъ Башкиръ употребляются еще раздѣльно, въ своемъ первоначальномъ видѣ: *бу ил*, *бу кѣнь* особ. Велеб. уѣзд., вмѣсто *біыл* и *бѣгонь* татарско-каз.

6. *Г* въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ въ татарско-казанскомъ нарѣчіи перешло уже въ *й*, въ уфимско-башкирскомъ нарѣчіи еще сохранилось: *жугалмак*, *багламак*, *чаще*—*багаламак*, *жерлямакь*, *угылдык*, *уйганмак* вмѣсто наиболѣе употребительныхъ въ татарско-казанскомъ нарѣчіи: *жуялмак*, *бѣялмѣкь*, *жерлямакь* исключительно употребительныхъ: *уылдык*, *уялмак*.

7. Древне-тюркское *з*, стоящее передъ *р*, обыкновенно пропускается; въ этомъ случаѣ гласная элиф-вав, стоящая передъ *з*, произносится

¹⁾ Слова, въ которыхъ, наоборотъ, въ каз.-тат. нарѣчіи стоитъ *а*, а въ уф. башк. *ы*: *жамар* «обновляться» алжамак, *ана* и *ини* каз.-тат. = *жамыр*, *алжы*, *чаще*—*ини* уф.-башк.

²⁾ Слова уф.-башк. нарѣчіи, въ которыхъ, наоборотъ, *ы* тат.-каз. нарѣчіи перешло въ *э*: *ѣна* уф.-б. *вн*, *иня* каз.-тат., *ѣре* «крупный» (нрв уф.-б. «ѣя мужъ») вмѣсто каз.-тат. *нрѣ* «крупный», также: «ѣя мужъ»; но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ: *нрѣнь* «губа» и «лѣзняться»; *ѣрѣнь* «гной».

какъ въ древне-тюркскомъ языкѣ, то-есть, какъ у, у, а не какъ о, ъ (въ татарско-казанскомъ нарѣчїи); урѣ уфимско-башкирск. и пермск. вмѣсто ѡйрѣ татарско-казанск.; уратмѣкъ уфимско-башкирск. вмѣсто ѡйратмѣкъ и ѡйбратмѣкъ татарско-казанскаго ¹⁾).

8. Въ нарѣчїи уфимско-башкирскомъ многія изъ тѣхъ словъ, которыя въ казанскомъ татарскомъ нарѣчїи произносятся мягко, выговариваются твердо ²⁾): ачы, ачымакъ уфимскихъ Башкиръ и Мещеряковъ, ачы, ачымакъ и аче, ачемякъ казанскихъ Татаръ; айда башкир., айда и айда казанскихъ Татаръ; жансыкъ у Башк., жѣнчепъ у казанскихъ Татаръ; айран у Башкиръ, айранъ у казанскихъ Татаръ; абау у Башкиръ, абѣу у казанскихъ Татаръ.

9. Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ словъ, начальный согласный зубной или губной звукъ которыхъ въ казанскомъ татарскомъ нарѣчїи произносится глухо, въ уфимскомъ башкирскомъ нарѣчїи произносится рѣзко: петь „вошь“; пот „бедро“, петмякъ „кончаться“, тѣу „огромный, длинный, высокий“; тѣуля „прежде“, вмѣсто татарско-казанскаго: бетъ, бот, бетмѣкъ, дѣу, цуцѣль.

Представимъ еще нѣсколько словъ уфимско-башкирскаго нарѣчїя, имѣющихъ произношеніе отличное отъ произношенія казанскихъ Татаръ, или даже происходящихъ отъ другого корня; уфимск. башк.: жыръ, жамгыш и жамгылыш, колбнь, чѣчѣ, кѣжѣ ботаугыч, аббар сузлямакъ, уйук баш (чит. уук баш); ушка „легкое“, ѡпка (средн. между ѡпка и ѡпкѣ) „гнивъ“ (бел. у.)=тат. каз.: жыру (чит. жыру), жамгыш, колончак, тѣчѣ, кѣжѣ, болгарыч, аббар сѡйлямакъ, уйук-башы (чит. уук-башы), ѡпка „легкое“ и „гнивъ“. Жиръ алмасы (белеб.) „картофель“, бирянге татарско-каз.; чаган уф.-башк., ѡрянгѣ тат.-каз. „кленъ“.

Здѣсь мы должны были бы, судя по порядку степеней близости къ каз. тат. нарѣчїю, говорить о мещеряцкомъ нарѣчїи, но вмѣсто того скажемъ о нарѣчїи Башкиръ Оренбургскаго уѣзда, чтобы яснѣе представить ту степень отатаренія, до которой дошло нарѣчїе уфимскихъ Башкиръ. Нарѣчїе Башкиръ Оренбургскаго уѣзда занимаетъ среднее мѣсто между чистымъ башкирскимъ языкомъ ³⁾ (языкомъ

¹⁾ Ср. улан, буйтъ ос. башк. и ултан (белеб. б.) сулямакъ, вмѣсто олан, бойтъ и олтан и сѡйлямакъ тат.-каз.

²⁾ За исключеніемъ того случая, когда слово начинается съ йотъ, см. Прав. 1-е.

³⁾ О чисто-башкирскомъ языкѣ мы не говоримъ въ настоящей статьѣ, потому что это не входитъ въ цѣль послѣдней—дать очеркъ фонетики татарскаго

горныхъ Башкиръ) и нарѣчіемъ уфимскихъ Башкиръ. Безъ всякаго сомнѣнія, теперешніе луговые уфимскіе Башкиры, прежде нежели начали говорить теперешнимъ своимъ языкомъ, говорили языкомъ похожимъ на языкъ Башкиръ Оренбургскаго уѣзда, представляющій собою первую степень отатаренія башкирскаго языка. Нарѣчіе Башкиръ, особенно живущихъ вблизи Оренбурга, въ настоящее время почти уже тождественно съ татарскимъ нарѣчіемъ, или, по крайней мѣрѣ, ближе къ нему, чѣмъ нарѣчіе уфимскихъ Башкиръ. Это произошло, конечно, оттого, что въ послѣдніи десятилѣтія казанскіе Татары съ особенною силой, въ большомъ количествѣ хлынули къ Оренбургу и къ мѣстностямъ, ближайшимъ къ этому городу.

Недалеко, конечно, уже то время, когда и другіе Башкиры, путемъ, главнымъ образомъ, перехода отъ полукочевого быта къ чистоосѣдлому, при чемъ обыкновенно усиливается вліяніе Татаръ на инородцевъ въ бытовомъ и религіозномъ отношеніяхъ, отатарятся: вѣдь отатареніе оренбургскихъ полевыхъ Башкиръ началось въ очень недавнее время и на нашихъ глазахъ уже сдѣлалось совершеннымъ.

Главное отличіе нарѣчія оренбургскихъ Башкиръ отъ нарѣчія каз. татарскаго состоитъ въ смягченіи согласныхъ звуковъ.

Глухой губной согласный звукъ *н* каз. татарскаго нарѣчія, тамъ гдѣ онъ стоитъ въ началѣ прямого слога передъ гласною, замѣняется посредствомъ яснаго *б*: босмакъ „скрываться“, тат. каз. „подеградываться“ посмакъ; бима, у каз. Тат. пима „валяные изъ шерсти сапоги“. Передъ глухой согласной обыкновенно стоитъ, какъ и въ каз. тат. нарѣчіи, *н*: псѣнь, псакъ, сынта. тат. каз. псѣй (также: псѣй, псей) въ горн. башк. произносится какъ бсѣй.

Твердый гортанный звукъ *к* въ началѣ словъ (какъ и въ кирг. языкѣ, вособенности, когда предыдущее слово оканчивается гласнымъ или же полугласнымъ звукомъ) переходитъ въ густое, глубокогортанное придыханіе *г*: гайнамакъ, гилень вм. тат.-каз. кайнамакъ, килень. Ср. киргизское: ней герегъ? и т. п.

Татарское кѡнь „день“ и у оренбургскихъ Башкиръ произносится какъ кѡнь.

Сложный согласный звукъ *ч*, первымъ составнымъ элементомъ котораго служитъ твердый зубной звукъ *т*, измѣняется, или, вопер-

казаясь, нарѣчіи и нарѣчіи близки къ нему: чистый башкирскій языкъ мы считаемъ за такой языкъ, который, въ силу своихъ рѣзкихъ и многочисленныхъ отличій отъ татарскаго языка, требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

выхъ, въ ш, то-есть, отбрасывается отъ ч первый составной его элементъ т; такъ говорится: шыбагаш, шыршы чукышь „птичій клювъ“, вмѣсто чубагач и чыршы тат.-каз.; или чаще, а передъ мягкою гласною всегда, бываетъ, восторыхъ, что ч переходитъ въ болѣе мягкое с, потому что тюркское чим произносится всегда мягче, чѣмъ русское ч, какъ тс: оренб.-башк. сакрым тат.-каз. чакырым; г.-б. сѣй тат.-каз. чѣй; г.-б. кисѣ, тат.-каз. кичѣ; г.-б. псѣнь, псѣе, тат.-каз. пчѣнь, пчак; г.-б. эсмѣкъ, тат.-каз. эчмѣкъ; г.-б. сана, тат.-каз.- чана; г.-б. салгы, тат.-каз. чалгы; сѣкляукъ, тат.-каз. чекляукъ; сукмар, тат.-каз. чукмар; ас., тат.-каз. ач; бакса, тат.-каз. бакча; суртан, тат.-каз. чуртан; сынакъ, тат.-каз. чынакъ; сыпта, тат.-каз. чыпта и сыпта; сыра „лучина“ и „пиво“, тат.-каз. чыра „лучина“, сыра „пиво“; сѣнесмѣкъ, тат.-каз. чѣнесмѣкъ; сыйырсык, тат.-каз. сыйырчык; сямѣля тат.-каз. чумѣля; сѣнеске тат.-каз. чѣнечке; сѣукѣ, тат.-каз. чѣукѣ, сѣсь тат.-каз. сѣчь и чѣчь. Иногда, въ з-хъ, ч, ш и с переходятъ въ третью степень смягченія—въ глубоко-гортанное придыхательное т: ¹⁾ гумечъ „ковшъ“, вм. тат.-каз. чумеч; гык „роса“ вм. тат.-каз. чык (но сык „выиди“, вм. тат.-каз. чык); гумырмак вм. тат.-каз. чумырмак. Въ нѣкоторыхъ словахъ употребляются одинаково какъ вторая, такъ и третья степени смягченія: сакма и гаема вм. тат.-каз. чакма.

Тат. *дж* у башк. переходитъ въ *ж*: уджау тат. = башк. ужау (кирг. жан).

Зубная с, стоящая въ началѣ словъ, обыкновенно переходитъ въ придыханіе : ²⁾ гыйыр гаумак, габан, габ, гал, гѣйлямякъ, гагять, гамаур, гуган гатусы, гау ма гинь? вм. тат.-каз. сыйыр саумак, сабан, саб, сал, сѣйлямякъ, сагять, самаур, суган сатучы, сау мы сивъ? Измѣненіе с на : въ срединѣ слова бываетъ послѣ дифтонга: гугамак вмѣсто сусамак „жаждать“.

Послѣ простой гласной въ срединѣ словъ с обыкновенно остается: гасы, тат.-каз. сасы „вопючій“. Т произносится съ значительнымъ высунутиемъ языка и прижатіемъ его къ верхнимъ зубамъ, изъ полости рта, шепеловато, но такъ что звука с послѣ этого т почти не слышно. З переходитъ въ дз съ едва слышнымъ з (какъ въ ар. залъ), если согласная предыдущаго слова мягкая: гудзъ „слово“ (каз.-тат. сюзь), дур (каз.-тат. зур), гѣдзгѣсь „цѣдилка, сито“ (каз.-тат. сѣдзгѣчь), гидзмѣкъ „чувствовать“ (каз.-тат. сиззмѣкъ); кымырска и кы-

¹⁾ Этотъ переходъ ч (собств. т) въ : намъ не покажется страннымъ, если припомнимъ, что въ тат. языкѣ существуютъ примѣры перехода т въ ч.

²⁾ Ср. Тур. и ад. *умра* съ тат. *очора*.

мыртва ор.-б. = тат. кырыска (ср. кымырджа). Вм. тат. *д* = башк. *к*: тат. иди = инэ башк. „былъ“. (Ср. чув. позулны). Тат. *н* = башк. *с*: айней = башк. айсей. Тат. *с* = башк. *ш*: сыйык = ор. и уф.-башк. шыык, „жидкій“.

Нарѣчіе оренб. Башкиръ разнится отъ каз.-тат. нарѣчія почти во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ отличается отъ каз. тат. нарѣчія нарѣчіе уф. Башкиръ. Замѣчательно только, что вліаніе каз. тат. нарѣчія на уфимско-башкирское оказывается тутъ сильнѣе, чѣмъ на нарѣчіе уф. Башкиръ; каз.-тат. элементъ проникъ въ тат. оренб. нарѣчіе хотя спорадически, но все-таки въ большой мѣрѣ.

Почти въ каждой группѣ примѣровъ на пункты отличія уф.-башк. нарѣчія отъ нарѣчія каз. татарскаго, одна часть примѣровъ произносится въ ор.-башк. нарѣчіи — какъ въ уф.-башк. нарѣчіи, а другая — какъ въ каз. тат. нарѣчіи ¹⁾.

Нарѣчіе Мещеряковъ ²⁾ (мишарь), отатарившагося финскаго народа, отстоитъ отъ каз. тат. нарѣчіи дальше, чѣмъ нарѣчіе отатарившихся Башкиръ Оренб. уѣзда.

Въ фонетическомъ отношеніи, и въ частности, въ отношеніи благозвучія, отношеніе мещеряцкаго нарѣчія къ тат. казанскому можно сравнивать съ отношеніемъ въ русскомъ языкѣ говора вятскаго къ говору московскому. Разница между мещ. и каз. тат. нарѣчіями состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что глубоко-гортанное *к* перешло въ мещеряцкомъ нарѣчіи въ русское *к*; во вторыхъ, въ томъ, что гласная, стоящая непосредственно за *к*, произносится нѣсколько мягче, чѣмъ въ тат. языкѣ; въ третьей, въ особенной склонности къ звуку *о* (*ö*): долгое *а* произносится здѣсь еще ближе къ *о*, чѣмъ въ тат.

¹⁾ См. выше пунктъ 1-й. Ор. горные Башкары произносятъ йотъ мягко, такъ же, какъ и уемские. П. 2. ор. Башкары говорятъ, какъ и уе.: кымъ, кибань, картъ (ос.), айкынъ, атай, атайкай, біатай, біапай, чим, чий и пр., но, какъ каз. Тат., говорятъ: кимъ, киме, кильмакъ, ничъ, угей. П. 3-й. ор. г. Башк., какъ и уе., говорятъ: мятъ, но зато, какъ и. Тат., говорятъ: улу, улмак. П. 4-й, 5-й и 7-й какъ въ тат.-каз. нарѣчіи. П. 6-й, какъ въ уе.-башк. нарѣчіи: угыдык, жегерлямакъ; какъ въ тат.-каз.: байламанъ, жулмак, улмак. П. 8, какъ въ уе.-башк. нар.: жанчык, айран, абау: какъ въ тат.-каз.: аче, ачешакъ, айда. Вообще же можно сказать, что словъ съ твердымъ хар. гласныхъ въ ор.-б. нарѣчіи больше даже, чѣмъ въ нарѣчіи уе.-башкирскомъ: атай галам айтты. П. 9-й, какъ въ уе.-башк.: тдула, какъ въ каз.-тат. бетъ, бетмакъ, бот, дау и пр.

²⁾ У уе. Тат. ури «супъ», урианъ «учиться».

языкъ; вчетвертыхъ, въ томъ, что выпускается ѣ нисходящаго дифтонга: косы, аттем, сулядемъ, улянемъ, вм. тат. каз. кайсы, айттемъ, сѣйлядемъ, у вс. др. ѣйлянемъ ¹⁾); внятыхъ, въ томъ, что гласныя, какъ и въ башкирскомъ нарѣчїи, за исключенїемъ случая, указаннаго въ пунктѣ 2-мъ, произносятся вообще тверже, чѣмъ въ тат. каз. нарѣчїи; шестыхъ, въ томъ, что у нѣкоторыхъ Мещеряковъ (алатырскихъ, цивильскихъ), тюркское йотъ произносится какъ э.

Почти всѣ эти признаки отличаютъ и вятскій говоръ отъ московскаго: припомнимъ оканье вятскаго говора, придающее ему тотъ акцентъ, который для Москвича также непрїятенъ, какъ непрїятно для Татарина оканье Мещеряка; потомъ — укороченїе и даже пропускъ въ вятск. говорѣ звука е въ окончанїи 3-го л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ, имѣющихъ примѣтой а и ѣ, напримѣръ: читатъ, синѣтъ и т. п., вм. читаетъ, синѣетъ. Въ говорѣ алатырскихъ Мещеряковъ, къ довершенїю сходства съ русскимъ вятскимъ говоромъ также неблагозвучно, какъ и въ семъ послѣднемъ, растягивается послѣдній слогъ слова (въ особенности послѣднее слово въ предложенїи, въ цѣлой рѣчи) и при этомъ ударенїе ставится на концѣ даже тѣхъ словъ, въ которыхъ въ тат. каз. нарѣчїи оно не ставится на этомъ слогѣ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частицахъ (дѣхи или тѣгы, ѣнде, во 2-мъ л. повел. накл.: вибѣръ ѣнде-е-е (тат. жибѣръ ѣнде) ср. вятск.: „откелева вы-ы-ы? Не вячкіе—ле-е-е?“ ²⁾).

Въ грамматикѣ мещеряцкаго нарѣчїя мало отличїя отъ нарѣчїя татарскаго каз. Именно, въ мещеряцкомъ нарѣчїи болѣе часты, чѣмъ въ татарскомъ каз. нарѣчїи, случаи постановки прит. суффикс. 3 л. ед. ч. *си* (*се*) вмѣсто *ы* (*с*) къ словамъ, оканчивающимся на согласную букву, напримѣръ: борносо, ирнесе, урнысы (въ каз. татарскомъ только бороно, ирпесе, урныны) ср. въ каз.-тат. берсе, ѣчѣ и ѣчѣсо, дюрте и дюртесе, бише и бишесе, бѣры, бѣганы и барысы, бѣганысы и т. п. Потомъ, въ мещ. нарѣчїи, вмѣсто дѣеприч. окончанїя гач (геячь), употребляется гылчы (гельче): минъ амаръ беръ стакан водка бѣргельче, ул и т. д. Повелит. наклоненїе мещ. любятъ оканчивать на *ым* (гень): торгон биргень и т. п. Эта частичка соотвѣтствуетъ башк. *ымъ* (гель). Тат. уф. употребляютъ одинаково часто какъ *ту*, такъ и другую частичку.

¹⁾ Сами себя уймск. Мещеряки дѣлятъ на 1) тюмьянъ и 2) ияшаръ.

²⁾ Среднеазиатскіе уроженцы, хорошо овладѣвшіе татарскимъ языкомъ, точно также по этому растягиванью конечныхъ словъ узнаются Татарами.

Наконецъ, слова, происшедшія изъ сложенія родит. надежа именъ съ мѣстоименною относительною приставкою *кы, гы* (*ке, ге*), совершенно противно духу тюркскаго языка употребляются не только какъ слова относительныя, но и какъ вопросительныя: *бу китаб синеке ме? аныкы мы?* и т. п. (вм. тат.-каз. *синем ме? аным мы?* Учашат. видѣ глаголовъ, основной видѣ которыхъ оканчивается на гласную, въ мещер. нарѣчій дѣлается посредствомъ прибавленія *к ла* (= *нк+ла*): *у кык ла „почитывать“*, тогда какъ въ другихъ нарѣчійхъ, именно въ татарск. и башк., онъ дѣлается посредствомъ прибавленія *штыр-гала*: *у кы штыр гала*. Впрочемъ, сочетаніе *нк ла*, для выраженія учащательности, не чуждо тат. и башк. нарѣчію, но здѣсь оно является только при нѣкоторыхъ глаголахъ: у всѣхъ (тат., башк. и мещер.) *пыскы „чадить“* и *пыскык ла „моросить“*, (о дождѣ). Вообще у мещеряцковъ чаще, чѣмъ въ другихъ нарѣчійхъ, является суфф. *к*, какъ къ глаголахъ, такъ и въ именахъ: дѣепричастія, соотвѣтствующія въ татарскомъ языкѣ дѣепричастіямъ, оканчивающимся на *кыччи* (*кенче*), въ мещер. нарѣчій оканчиваются на *кыччык* (*кенчекъ*): мещ. *житкенчекъ* и т. п. = тат. *житкенче*. Ср. также мещ. *шешекъ* = тат. *шешъ* „оухоль“, мещ. *ѳй ѳк* = тат. *ѳйе* „лнять“.

Выше мы представили уже нѣсколько словъ, которыми словарь цивильскаго мещ. нарѣчія отличается отъ каз. татарскаго нарѣчія, словъ, взятыхъ большею частію изъ русскаго языка. Здѣсь представимъ еще нѣсколько словъ, которыми мещ. нарѣчіе отличается отъ каз. тат. нарѣчія. Слова изъ нарѣчія мещеряцкаго-туманъ: *тудыга „двоюродный братъ“*; *тумачы „троюродный“*; *мамаряджи „оврагъ“* вм. тат. *чокор*; *шауа „небольшая чашка“*, тат. *кяндій, табакъ таш купы* вм. тат. *таш саут „глиняная посуда“*; *кул сѳтьмакъ* вм. тат. *кул болгамак „махать рукой“*; *тигѳцѳ* вм. тат. *жильпуч „начески“*; *абый* вм. тат. *абый*; *чебельдекъ* вм. тат. *чыбылдык*; *пульба* вм. тат. *бѳрѳнге*. Мещ. *табак-саут* вм. тат. *саут-саба*. Слова цив. мещеряцкаго нарѣчія: а) различіяся отъ татарскихъ фонетич. измѣненіемъ: *кѳудѳ* у цив. вм. *кѳудѳ* тат.; *бѳрѳнке* у цив., *бирѳнге* у тат.; *кѳѳндѳ* у цив. (*кѳѳнтѳ* у мещ.-тум.), *кѳѳнтѳ* у тат.; *мурезъ* у цив., *мѳгѳзъ* у тат.; *бияшь* у цив., *миляшь* у каз. тат.; *дѳйдѳу*, *айнѳу*, *ѳйтѳу* у цив., *дѳдей*, *ѳней*, *ѳтей* у каз. тат.; *чѳтагач*, *марѳа* у цив., *ѳчѳтагач*, *умарѳа* у каз. тат.; *бурѳа*, *кѳмак* у цив., *кѳле дѳнѳръ*, *кѳймак* *кѳйлѳ* у каз. тат.; *лакым* у цив., *лагун* у каз. тат.; *ирѳѳнѳмакъ* у цив., *ирѳѳмикъ* у каз. тат.; *искѳрѳмакъ* у цив., *иска тѳшѳрѳмакъ* у каз. тат.; *куйрык*, *кышпа* у цив., *кѳйорѳк*, *кѳшѳль* у

в. т.; быуым у цив., быуун у каз. тат.; жомор, әрдәнъ, у цив., жоморо, әрдәнй у каз. тат.; бөгәчй у цив., бөгөнъ у каз. тат.; араба у цив., арба у в. тат. ¹⁾; б) слова, разняціяся отъ соотвѣтственныхъ татарскихъ словъ въ отношеніи корня: леке у цив., катык у каз. тат.; лабрак у цив., уйсу жирь у каз. тат.; псора у цив., сасы ківәнъ у каз. тат.; кизляу у цив., чинимй у каз. тат.; ксея „синица“; кукки у цив., жырак агай у каз. тат.; кучат у цив., йтәчъ у каз. тат. ²⁾, кәкәй у цив., ить у каз. тат. ³⁾.

Наконецъ, нарѣчія Татаръ сибирскихъ, именно поднарѣчіе Барабинцевъ (Бараба), живущихъ въ Барабинской степи, и поднарѣчіе Татаръ тобольскихъ вообще, въ частности Татаръ таринскихъ (тарлыкъ), тобольскихъ (тоболныкъ) и тюменскихъ (тумеллыкъ), въ настоящее время болѣе разнятся съ тат. каз. нарѣчіемъ, чѣмъ, напимѣръ, языкъ отатарившихся Башварь. Главнымъ отличительнымъ признакомъ обоихъ поднарѣчій, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ сходства ихъ съ поднарѣчіями алтайскимъ (въ тѣспоимъ смыслѣ слова) и телеутскимъ — состоитъ въ томъ, что основныя гласныя въ этихъ поднарѣчіяхъ преобладаютъ еще надъ переходными гласными: во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ въ тат. каз. нарѣчій стоитъ уже *и*, въ бараб. и тоб. стоитъ *а*, или же *ä*; тамъ, гдѣ въ тат. каз. *о*, въ бар. и тоб. *у*; тамъ, гдѣ въ тат. каз. *ы*, *и*, въ бар. и тоб. *ы* и *э* (*е*). Впрочемъ, тобольскія нарѣчія стоятъ уже ближе къ тат. каз., чѣмъ нарѣчія барабинскія: тамъ, гдѣ въ послѣднихъ нарѣчіяхъ стоятъ сочетанія слоговъ съ гласными буквами въ алтайскомъ (или телеутскомъ) порядкѣ—*о-у(ö-у)* или *о-у-у(ö-у-у)*, въ первыхъ находятся уже чисто татарскія сочетанія — *у-и* (*у-і*, каз. тат. *у-е*) или *у-ы-ы* (*у-і-і*, тат. каз. *у-э-э*); въ первыхъ чаще, чѣмъ въ послѣднихъ, употребляется *и* вм. *ä* (барабанск., пәрди, пәкләди, йжік, әр, тоб. бирди и т. д.). Въ нѣкоторыхъ изъ татарскихъ мѣстностей Таринскаго округа долгое *а*, которымъ обыкновенно бываетъ *а*, стоящее въ началѣ слова ⁴⁾, выговаривается какъ *оа*. Йотъ какъ въ

¹⁾ Въ эти слова у Мещеряковъ-тюмянъ произносятся какъ въ тат. языкѣ.

²⁾ Кучат у *уө*. башк. локта, «палка употребляемая при игрѣ въ мячъ, въ чушки» и т. п.

³⁾ Кляй у каз. тат., у башк.-русск. дѣтское слово *кака*. Слово, приведенныхъ подъ б., въ нарѣчій тюмянъ-мишарь *нѣтъ*.

⁴⁾ Здѣсь можно припомнить растягиванье перваго слога словъ, замѣчаемое въ руссконъ гонорѣ Костромичей. Это же растягиванье замѣтно въ говорѣ Кургинзовъ, живущихъ въ Тургайской области.

тоб. ¹⁾, такъ и въ бар. нарѣчіяхъ произносятся мягко, какъ Ѣ. Дифтонгъ *уй* (*үй*) какъ у Варабинцевъ, такъ и у Тобольцевъ часто — притомъ у Варабинцевъ чаще, чѣмъ у Тобольцевъ — произносится какъ *у* (*ö*): *у* „домъ“; *уғö* „въ домъ“ (дат. пад.), вм. тоб. *уй*, *уйгä*; *курук* у бар. вм. тоб. т. *куйрук*; у тоб. и у бар. *сулмайк*, *уратти* и т. п. ²⁾).

Въ согласныхъ звукахъ барабинское нарѣчіе рѣшительно приближается къ алтайскимъ языкамъ; именно въ бараб. нарѣчіи, какъ и въ алт., согласныя, стоящія между гласными звуками, или послѣ согласной мягкой, обыкновенно смягчаются, и наоборотъ, стоящія послѣ твердой согласной, въ началѣ и концѣ словъ, произносимыхъ отдѣльно отъ другихъ словъ, обыкновенно переходятъ въ твердыя. Въ тобольскихъ поднарѣчіяхъ согласные звуки уже устойчивѣе.

Ч каз. тат. нарѣчія у большей части сибирскихъ Татаръ произносятся какъ *ч* ³⁾. Ч между гласными произносится у Варабинцевъ какъ *дз*.

Х, въ противность нѣкоторымъ изъ говоровъ каз. тат. нарѣчія, у Варабинцевъ и Тобольцевъ еще сохраняется.

¹⁾ Судя по образцамъ сиб.-тюркск. нарѣчій, предст. Радловымъ (въ Обр. нар. ляттер. Тюркск. пл.), можно полагать, что только жителями аула Саза (Тоб. у.) *Йотъ*, произносится какъ *дз*.

²⁾ Въ башкирскомъ и мещер. нарѣчіяхъ, какъ мы уже видали, опущеніе *й* въ нѣск. диегонгъ очень обыкновенное явленіе.

³⁾ Только въ нѣкоторыхъ изъ мѣстностей Тарискаго округа и у части Варабинцевъ *ч* произносится такъ же, какъ и у казанскихъ Татаръ.

А. Безсоновъ.